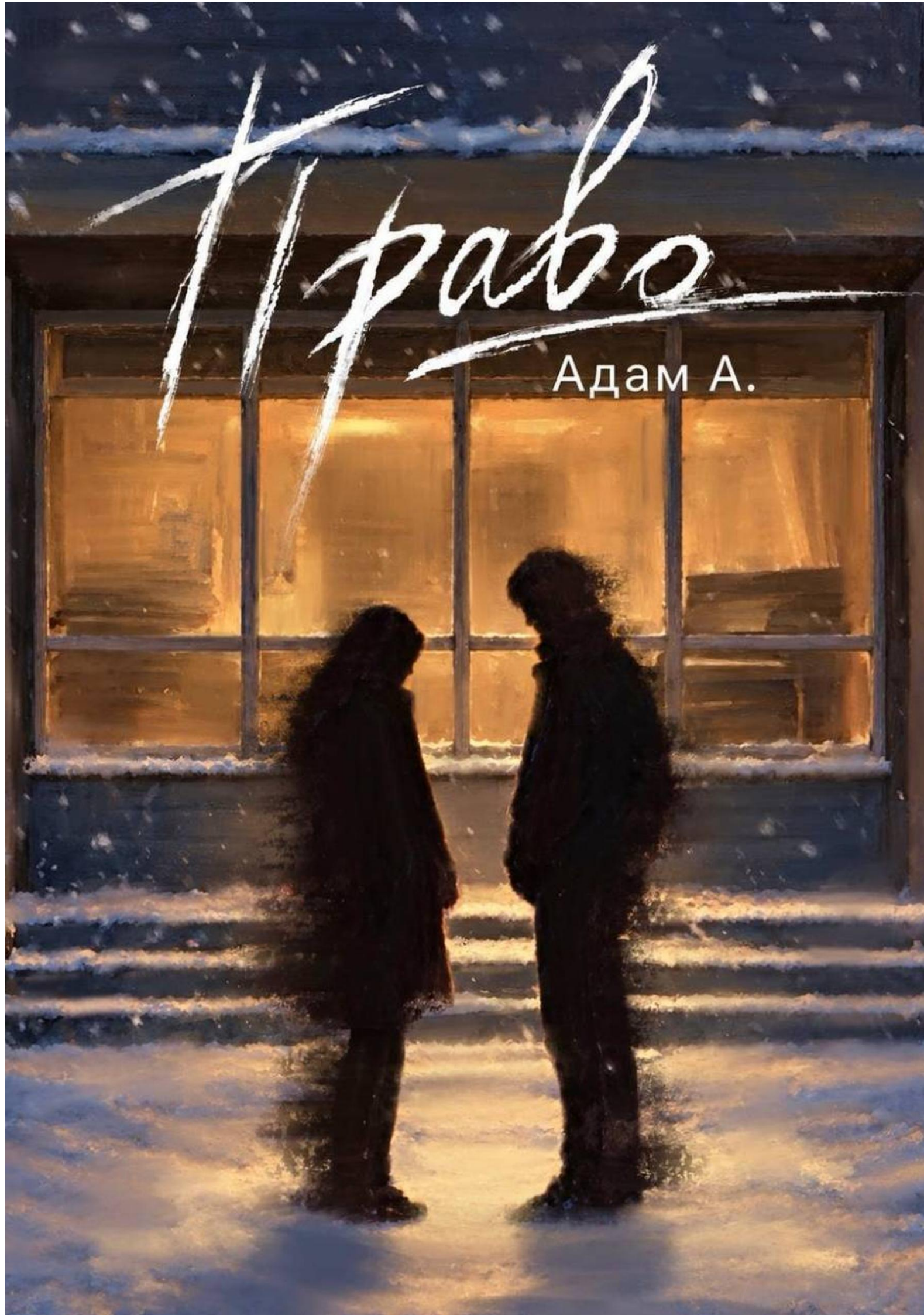

Траво

Адам А.

Адам А.

Право

«Автор»

2026

А. А.

Право / А. А. — «Автор», 2026

2019 год. Москва. Работа, друзья, пятничные походы в клубы. Жизнь Артёма идёт в ритме большого города, но сам он словно остался в другом времени. Остался там, в том маленьком провинциальном городе. Там, где ещё столько всего впереди. И где рядом... Она. Их история оборвалась. Но одно Артём запомнил навсегда. Запомнил то, чему его научила она. То, как понял это он. Ведь тот, кто причинил вред другому, должен за это ответить.

© А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Гл	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Адам А. Право

Глава 1

— Вадик... Запропастился... Я ему...

По пятницам музыка здесь не просто играла, она буквально лупила по ушам. Разговаривать было почти нереально, поэтому Слава и орал мне прямо в ухо, навалившись на плечо.

— Понял, Слав! Пойду гляну, где он там!

— ... давай с тобой? Можем... ладно?

Половину слов я не разобрал, что неудивительно. В таком грохоте я даже собственные мысли-то едва слышал.

— Не, нормально. Сам схожу! Я быстро! А то Ленка вон уже волнуется! — ответил я Славе.

Наша компашка по традиции оккупировала один из столов у стены. Шестеро: я, Слава, Ден и Вадик. Последний притащил с собой жену Лену, а та — уже свою подругу.

И вот имя этой подруги напрочь вылетело у меня из головы.

Вообще заметил за собой такую беду: при знакомстве я солидно киваю, называю своё имя в ответ, а чужое тут же забываю. И потом весь вечер мучаюсь, не обидится ли человек, если я переспрошу его.

Надеюсь, это ещё не старость стучится, всё-таки мне только тридцать один.

Выбравшись из-за стола и сделав пару шагов, я почти сразу упёрся в барную стойку, опоясывающую зал. Зона обитания одиночек — тех, кто пришёл за знакомством или просто с кем-нибудь почесать языком.

Обходя двух девиц, заметил, что навстречу вразвалочку, специально пошире расправив плечи, идёт парень. Совсем молодой, но здоровый, зараза.

Так, этого мы аккуратно обогнём. Мой друг, Слава, ещё на стадии выбора заведения слёзно молил всех на этот раз обойтись без пьяных приключений. Славка работает, ну или, как он меня каждый раз поправляет, служит в ментовке, и за прошлый раз ему уже влетело от начальства. Повторять тот опыт он явно желанием не горел. Да и мне, честно говоря, эта возня была совершенно ни к чему. Стар я уже для подобных разборок.

— Эй. Поаккуратнее.

Пытаясь обойти этого здоровяка, я случайно зацепил девушку у бара.

— Прошу прощения! Я был слегка невнимателен, — выдал я максимально широкую улыбку и, не дожидаясь её реакции, пошёл дальше.

Пропаавший на добрые полчаса Вадик нашёлся в самом конце барной стойки. Он вдохновенно охмурял двух темноволосых дам.

— Да заказывайте... я чё зря, что ли... и ещё берите, если надо... — донеслись до меня обрывки его фраз.

Еле на ногах держится, а карту к терминалу тянет, донжуан хренов. Теперь понятно, почему его сразу-то не отшили.

Я подошёл и крепко взял его за локоть. Он дёрнул было руку обратно, но я ещё сильнее рванул его на себя.

— Слышь, Вадос. Тебя Ленка там потеряла! Собиралась прямо сейчас идти искать! И, по-моему, она была просто в ярости! — гаркнул я ему прямо в ухо, беря на понт.

Несмотря на долбящую по ушам музыку, до него быстро всё дошло и в его глазах мгновенно вспыхнул страх. Кажется, Вадик даже слегка протрезвел. Он тут же залепетал что-то

в своё оправдание. Но из всего потока слов я разобрал лишь только «подтверди, если чё» и «плохо мне было». После чего этот бравый гусар обречённо свесил голову и покорно пошёл в сторону нашего стола.

Я оглянулся на дам, оставшихся без спонсора. Их возмущённые взгляды буквально сверлили меня. Виновато улыбнувшись им, я лишь развёл руками, мол, извините, конечно, но нам самим такой щедрый товарищ нужен, и затем двинулся за Вадиком.

Наконец сев за стол на своё место, я с облегчением выдохнул.

— ...ну и представляешь... за отдельные деньги... а я им говорю...

Понятно. Ден снова завёл эту свою шарманку про Турцию, которую ранее оборвал Слава. Что-то там про отель и про то, что в это хвалёное всё включено, как выяснилось, не включили алкоголь. Значит, по логике Дена, не включили вообще ничего.

До моих ушей долетали лишь обрывки слов из его явно пламенной речи. Но я по привычке продолжил сочувственно ему кивать. Ну и улыбаться вместе со всеми.

Неожиданно в мой стакан полилась минералка. Это была та самая подруга Лены, рядом с которой сидел Славка, но почему-то потянулась она через весь стол, ко мне.

Хм. Решила проявить внимание?

— Спасибо! — я повернулся в её сторону поблагодарить.

— Пожалуйста! — улыбнулась она мне.

Музыка наконец-то перестала бить по ушам, и голоса собеседников уже обрели чёткость. Верный признак того, что бар даёт отчаявшимся кавалерам шанс пойти в наступление. Время медленных танцев.

Из колонок, один за другим, полились аккорды пианино.

А потом зазвучали слова.

И мой взгляд моментально расфокусировался, тут же уперевшись куда-то в пустоту.

Шумный, забитый под завязку бар для меня просто выключили, словно телевизор. В голове звучали лишь эти слова из динамиков.

Слова, которые я знал наизусть.

— Артём! Тёма, ты чё?! — толчок в плечо. Славка тряс меня за руку. — Ты чего завис-то? Не ты же заказывал?

Я медленно перевёл взгляд сначала на него, потом на стол. Передо мной стоял стакан. Судя по резкому запаху в нём, был крепкий алкоголь.

— Ты чё ему принёс-то? — голос Дена, казалось, пробился ко мне сквозь толщу ваты. Затем он засмеялся: — Не пьёт он у нас! Да, Тём?

Официант как-то скомканно извинился и, схватив этот стакан, тут же поспешно растворился в толпе.

— Ден, ну ты и тормоз, конечно. Сказал бы, что это твой заказ, — выдавил я нарочито громко, чтобы все расслышали. Вроде прокатило. Вроде за столом посмеялись.

— А ты правда что ли... ну совсем не пьёшь?

Это была снова подруга Лены. Кристина. Я наконец вспомнил её имя.

Стоп, а когда это они со Славой успели поменяться местами? Ну Славка...

— Смотря что... Воду вот пью. Иногда срываюсь и могу даже на газировку перейти, — попытался улыбнуться я.

— Ну! Я же серьёзно, — Кристина шутливо толкнула меня в плечо.

— Да вот такой он у нас... особенный! Не видишь, сидит себе, минералку весь вечер пьёт. Прикинь, Крис, — встрял Ден.

Ему отчаянно требовалось её внимание, и я с радостью его уступил. Просто пожал плечами, глядя куда-то мимо них: мол, всё так, скучный я. Девушка задумчиво замолчала. Зато Ден не тормозил.

— Крис, погнажи танцевать, пока такая музыка! Вон как раз мужик про море поёт!

Перейдя к активным действиям, он обогнул меня, подошёл к ней и уверенно потянул к бару танцевать, и Кристина охотно согласилась. Уходя, Ден опять заливал ей про свою Турцию. Схема понятная: сейчас скажет, что в следующий раз полетят вдвоём. Ден — сказочник опытный.

А меня всё не переставали бить те слова под звуки пианино из этих проклятых колонок.

— Слав, я это. Поеду. Вы чё долго ещё тут? Закинешь там за меня? Я тебе переведу.

— Конечно. А чё так рано-то, Тёмыч? Двенадцатый час всего! Давай посидим ещё? До дома бы заодно меня докинул, — рассмеялся он. — Я же не рискну за руль, проблем потом не оберёшься.

— Да я бы с удовольствием. Только сдаётся мне, вы тут надолго собираетесь задержаться. Я это, кажись, уже вижу, — кивнул я в сторону Дена, который вовсю приобнимал нашу новую знакомую.

Слава обернулся и, затем рассмеявшись, мне ответил.

— Тёмыч, ну я пока останусь. Посижу ещё. За этими приглядеть же надо, знаю я их. Чувствую, мы сегодня до утра тут зависнем, брат.

Он поднялся, пожал мне руку и, приобняв на прощание, спросил:

— Давай я тебя провожу хоть?

— Не, Слав, спасибо. Ты лучше тут всех проконтролируй. Завтра споемся.

Подошёл к Вадику. Тот, кажется, вообще не осознал, что я с ним прощаюсь. Лишь вяло протянул руку в ответ.

Его жена Ленка, хоть и сверлила Вадоса недовольным взглядом, мне всё же помахала с искренней улыбкой. Хорошая у него жена. Добрая. Хорошо хоть Вадик по трезвости всё прекрасно понимает и кается перед ней. Ну а она прощает, конечно. Любит дурака своего.

Я направился к выходу, мимо всё той же длинной барной стойки. На этот раз спокойно её миновав, я быстро спустился по лестнице на первый этаж. Обогнув несколько фейсеров и небольшую очередь людей, желающих попасть в это заведение, я толкнул дверь и вышел на улицу.

В лицо мне тут же ударил прохладный летний московский воздух. Несмотря на тёплую весну и клятвы синоптиков про ожидающее нас шикарное лето, в конце июля было от силы плюс пятнадцать. А сейчас, ночью, по ощущениям и вовсе градусов пять. Я невольно поёжился от холода. В одной футболке бодрит, конечно, знатно.

Так, ёжась от холода, я и направился к своей машине. Она ждала меня чуть дальше, аккуратно втиснутая между чёрным кубиком «Гелендвагена» и салатovým «Матизом» с чёрным капотом. Если это была попытка в тюнинг, то весьма неплохая. Попытка.

Ладно, мне бы теперь выехать отсюда. Владелец малолитражки просто от души подпёр меня сзади.

Подбежав к машине, я сразу потянул дверь за ручку и запрыгнул за руль, тут же нажав ногой на тормоз и пальцем на кнопку запуска. Машина послушно ожила, встретив меня приветственным писком. Так, печку сразу включаем на максимум.

На мультимедиа закрутилась загрузка, система начала искать телефон. Отмена. Не сейчас.

В салоне всё ещё приятно пахло кожей и новизной. Взял я её совершенно спонтанно. В конце восемнадцатого года началась паника: мол, после поднятия НДС в девятнадцатом цены взлетят до небес. Вот я и поддался всеобщему ажиотажу. Впрочем, давно пора было. Моя предыдущая машина уже жила своей жизнью: то двигатель трясётся, то щёлкает что-то на ходу. А пару раз так вообще отказалась заводиться. Вот и решился.

Особо не заморачивался. Славка как-то сказал, что камрюха это вещь и все крутые ребята из отдела, мол, на таких и ездят. А я покивал ему с видом знатока. Что в курсе и что тачка надёжная.

И вот через месяц я уже сидел в новеньком автомобиле. Ну и первым делом, конечно же, поехал хвастаться Славе. А тот только языком поцокал. Те крутые ребята, говорит, ездят на чёрных, а не на белых. Я с умным видом парировал, что белый перламутр уж покруче будет, мол, сейчас он в тренде. Сам в свои же слова не особо веря.

Но когда Славка узнал, что объём у меня два с половиной литра, он уже совсем авторитетно меня припечатал: «Тёма. Я тебе говорил про чёрную на три с половиной. А у тебя... жоповозка обычная». Правда, тут же он попытался и утешить. Сказал, что жена его начальника на такой же ездит, цвет один в один, и ей очень нравится.

Успокоил, короче, меня как мог.

Всё. Вроде согрелся.

Я скинул температуру с максимума до комфортной и аккуратно сдал буквально на сантиметр назад. Датчики тут же истерично заверещали. По камере казалось, что я уже въехал в эту многострадальную малолитражку. Переключив на драйв, я подал чуть вперёд. И так несколько раз дёргался туда-сюда, пока не вырвался из этого капкана.

А потом катил по сияющей, по вечно не спящей Москве в абсолютной тишине, погружённый в свои мысли.

Отъехав километров на восемьдесят, кинул взгляд на приборку. Совсем забыл про бензин. Запас хода показывал чуть больше двухсот.

Я свернул на ближайшую заправку на трассе и, немного постояв в очереди за сонной газелькой, подъехал к колонке и вышел из машины. Заправщик, стоявший тут же, кивнув мне, вставил пистолет в бак.

По телу снова пробежал ночной холод. Не скажу, что мне неприятно. Летние прохладные ночи — они какие-то особенные. Вроде и зябко как-то, но свежий воздух дурманит голову так, что особо и не чувствуешь холода этого. Особенно когда знаешь, что скоро снова окажешься в тепле.

Внутри я расплатился с совершенно заспанной кассиршей и вышел, прихватив банку их фирменного энергетика. На вкус та ещё гадость, но зато бодрит безотказно. Вернулся и вновь прыгнул за руль. Так. Бак полон. Запас хода уже показывает семьсот десять. Обманывает, конечно, компьютер этот, но почему-то эта цифра каждый раз греет мне душу.

Вновь выехав на трассу, я всё-таки сдался и потянулся к телефону. Пара секунд на подключение, короткое нажатие на знакомый трек, и салон наполнился музыкой. А затем зазвучал голос. Пронзительный голос, с лёгкой хрипотцой. Он пел под клавишные аккорды с какой-то светлой, пробирающей тоской.

Я ткнул на повтор.

Будет теперь играть всю оставшуюся дорогу. Заканчиваться и вновь начинаться заново.

До места мне оставалось километров сто девяносто. Чуть больше двух часов пути по пустой ночной дороге.

Москва всегда отваливалась от меня где-то на сотом километре. Сползала, как сползает старая кожа. Утягивала за собой и работу, и пустую квартиру. Квартиру, где я до сих пор даже не разобрал и половину коробок.

Со мной оставалась лишь эта музыка. Музыка, темнота и дорога.

И каждый раз так.

В третьем часу ночи фары наконец выхватили из темноты указатель: «Спасовск». А чуть дальше ещё один: «Добро пожаловать».

Город встретил меня пустыми сонными улицами, редкими встречными машинами да парой запоздавших пешеходов.

Мне нужно было в другой конец города. Мне нужно было на улицу Заводскую. Туда, где стоят четыре панельные пятиэтажки в ряд.

Весь этот Спасовск я проехал насквозь минут за двадцать.

Выехав на Заводскую и проехав несколько домов, завернул во двор самого последнего дома, стоящего на этой улице.

Дома номер три.

Узкий и совершенно не рассчитанный на такое количество автомобилей, этот двор был забит машинами под завязку. Буквально ползком, в миллиметрах от чужих зеркал, добравшись до второго подъезда, я остановился.

Козырёк над его входом накренился немного влево. Краску давно съело время, и её лохмотья держались только у самой стены, по краям всё облезло до серого бетона. Сверху криво висела синяя табличка с двойкой. На железной двери, какого-то непонятно серо-синего цвета, в три слоя наклеили объявлений.

Я заглушил двигатель и, медленно выдохнув, выбрался из машины, небрежно толкнув за собой дверь. Та даже не захлопнулась до конца.

Постояв так немного, я отступил чуть вглубь двора. Там было несколько облупленных скамеек, довольно странная песочница с проржавевшим навесом и эти... эти нелепые, жуткие качели. Две приваренные трубы, на которых крепилось сиденье.

Я обессиленно опустился на них и так и сидел, слегка покачиваясь и вглядываясь в эту серую коробку. В эти страшные, расползающиеся паутины трещин на серых плитах.

Ночью она мне кажется даже не серой, а какой-то выцветшей. Промокшей насквозь, что ли. Будто старую газету в лужу бросили.

Вся эта бетонная пятиэтажка, стоящая передо мной, спала, и лишь в одном окне на четвёртом этаже моргал синий свет.

Немного правее, шагах в десяти от подъездной двери, в асфальт уходил приямок.

Красная краска на его бетонной стенке потрескалась квадратами, словно пересохшая грязь на солнце.

И ступени. Шесть ступеней вниз. В самом низу находится ржавая железная дверь.

Оттуда тянуло таким неприятным, таким пронизывающим холодом.

И запах. Запах сырости и земли.

Я пытался отворачиваться. Лишь бы не смотреть в ту сторону. Но глаза раз за разом против моей воли возвращались к этому провалу.

Ничего не мог я с собой поделать.

Сидел, качаясь и прислушиваясь к малейшему шороху.

Вдруг... вдруг меня позовут?

За всеми этими мыслями я даже не заметил, как сильно замёрз, сидя лишь в одной футболке. Наконец заставил себя встать с этих проклятых качелей. Ноги разогнулись с трудом.

Сев в машину, я сразу завёл двигатель. Выбираться со двора мне пришлось задом.

Выехав на дорогу, я повернул не в город. Повернул прочь от него.

В тишине сухо защёлкал правый поворотник.

Дальше никаких домов. Лишь потрескавшийся асфальт. Весь в ямах и поперечных трещинах. Никто здесь ничего не ремонтировал, потому что некому и незачем. Дорога шла наверх. Кажется, я поймал колёсами каждую выбоину. Плевать.

Заехав на пригорок, первое, что я увидел, — четыре машины, стоявшие полукругом.

У двух горят фары, долбит музыка. Толпится молодёжь. Им лет по восемнадцать. Кто-то сидел прямо на капоте, кто-то курил рядом. Машины явно родительские — на заднем стекле одной даже белеет наклейка «В машине ребёнок».

Мне стыдно за это. Они ведь дети. Я взрослый мужик. Но я их ненавижу. Ненавижу их каждый раз, когда поднимаюсь и вижу их здесь.

Чуть правее от них стоит железный мусорный бак.

Когда-то, кажется, в другой жизни, там стояла скамейка. Деревянная скамейка.

И об этом месте почти никто в нашем городе не знал.

А мне... мне его показали.

Я не стал подъезжать к этим ребятам близко. Развернувшись, припарковался чуть в стороне, метрах в тридцати от них и заглушил двигатель.

На меня тут же оглянулись. Один что-то бросил остальным, и все засмеялись. Я примерно знаю, что именно он мог сказать. В их возрасте я сам бы ляпнул то же самое. Какой-то мутный мужик сидит один в темноте.

Пусть смеются. Плевать.

Я смотрел перед собой. Смотрел туда, где внизу, как на ладони, лежал весь этот город.

Россыпь огней. Светящаяся нитка Космонавтов, яркий центр и светлое пятно у автовокзала.

И Юбилейная. Огни на Юбилейной.

На пассажирском сиденье экраном вниз валялся мой смартфон. Я взял его в руку и поднёс к лицу. Экран бездушно разблокировался, признав владельца. Зайдя в сообщения, нашёл диалог с контактом «Серёга»: «Две недели. За день-два сообщу. По благодарности не переживай. Позже решим».

Перечитал и, зажав кнопку питания, дождался вопроса об отключении. Затем вырубил и бросил его в бардачок.

Второй телефон лежал в кармане. Там, где и всегда. Простой серебристый прямоугольник. Сверху экран, снизу четыре ряда крупных серых кнопок, в центре джойстик. По бокам клавиши громкости.

Ни одного пропущенного. Ни одного сообщения.

Лишь тускло светился небольшой экран.

Нажал меню и выбрал иконку сообщений. Зажал джойстик вверх. Долго проматывал переписку в самое начало. Прочитал первое сообщение.

Исходящее: — привет! обещал не надоедать тебе, но дело срочное! спасай! ты же сдала экзамен? у меня пересдача послезавтра!

Исходящее: — Даш?? ау??

Я аккуратно положил телефон на торпеду. Нагнулся и пошарил рукой по коврику под сиденьем. Задел какую-то тряпку, прежде чем пальцы наткнулись на холодное стекло. Ухватив за горлышко, потянул на себя. Бутылка за что-то зацепилась, пришлось с силой её дёрнуть.

В такие моменты меня всегда накрывает какое-то злое, короткое нетерпение.

Наконец вытащил и сел ровно. Широкая приземистая бутылка из тёмного стекла удобно легла в мою ладонь. Деревянная пробка сидела плотно.

Я просидел так несколько минут. Может, больше.

Затем взялся за пробку и с силой её потянул. Она поддалась неохотно, с глухим щелчком. В нос сразу же ударил тяжёлый, сладковатый запах.

Запрокинул голову и сделал долгий глоток. Такой долгий, чтобы обжечь сразу всё горло. До самого желудка обжечь.

Мне нужно было, чтобы обожгло.

Я снова взял телефон.

Входящее: — Привет. Прости, я спала уже. Ну и поздно же ты опомнился.

Исходящее: — да все не решался тебе написать. ты вроде во всем этом шариишь? вечно препод тебя хвалит))

Исходящее: — зачем нам вообще римское право? мы собираемся стать юристами древности?

Входящее: — Я-то, может, и шарю. А ты точно ту профессию выбрал?)

Оторвал взгляд от экрана. Сделал второй глоток. Уже легче. Уже не жжёт. Вновь сфокусировался на буквах. Попытался, по крайней мере.

Исходящее: — мой выбор стоял между экономикой и юриспруденцией. не так уж и много у нас филиалов институтовских в городе. пришлось выбрать меньшее зло!))

Входящее: — Тогда запоминай! Римское право это фундамент, на котором стоит вся юриспруденция!)

Исходящее: — ну вот. я знал, к кому обратиться за помощью! Егорыч меня точно зава-лит! спасааай!

Входящее: — Ну ладно. Попробую сегодня помочь тебе... И Николай Егорович одни и те же вопросы задаёт на пересдаче. Запомни про фундамент! Его любимое! Думаю, сдашь легко. Если уж совсем не безнадёжен:)

Исходящее: — седня в планах у меня было прогулять эту чудесную пару. но да ладно. Будем грызть гранит науки! увидимся тогда там!)

Входящее: — Только не седня! Сегодня! До встречи! :)

Третий глоток.

Я поставил бутылку, зажав между ног. Взял телефон двумя руками. Аккуратно давя на тугие кнопки, набрал текст и нажал «Отправить». Положил обратно на торпеду и пил.

Запрокинув голову, пил, пока хватало дыхания.

Огни внизу постепенно перестали быть отдельными. Они слиплись в одно длинное светящееся пятно, и это было хорошо. Теперь совсем не разобрать, где Юбилейная.

Где её дом.

Голова потяжелела. Я откинул её на подголовник и неотрывно смотрел на дорогу, на тот самый поворот.

Вдруг?

Но там было пусто, и я делал ещё глоток.

Но там по-прежнему было пусто, и я снова пил.

Начало светать. Над городом нависла непроницаемая серая муть.

А в моей голове всё крутились слова из той песни.

Лишь одно... одно слово мой мозг услужливо заменял в этих строках.

И теперь

Я прошу:

Останься.

Горе.

И теперь

Я прошу:

Побудь со мной.

Мои глаза начали закрываться сами собой. Веки окончательно потяжелели.

А потом...

Потом я уже не помню.

Глава 2

Мы с Михой сидели на самой последней парте, укрывшись за чьей-то широкой спиной. Препоп монотонно бубнил что-то себе под нос, а я откровенно скучал, разглядывая стену над учебной доской. Там висел плакат с какой-то непонятной исторической цитатой: «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую».

— Слышь, — я толкнул Миху локтем под рёбра. — Может, мне у него тоже мя потребовать? А, Мих? Давай спрошу?

Я приглушённо рассмеялся, уткнувшись в воротник своей олимпийки.

— Да ты чё, Тём, не надо... — испуганно произнёс Миха, косясь на препода. — Он нас потом до экзамена вообще не допустит. Он же злой, блин, как собака. Говорят, валит всех подряд.

— Да я откуда знаю? Чё там этот твой Егорыч из себя строит? Надпись-то реально угарная, — никак не мог успокоиться я.

— А, ну точно. Ты же вообще первый раз у него на паре нарисовался, — хмыкнул Миха.

— Да то соревы, то тренировки, вообще не до этой мути было. А ща, говорят, завтра сдавать ему что-то, вот и пришлось тащиться, — я лениво откинулся на спинку стула. — Так бы сто лет твоего Егорыча не видел.

— Да чё моего-то сразу? Я сам тут всего третий раз сижу, — возмутился Михан. Но тут же сам поплыл от смеха. Посмотрел на плакат и выдал: — Слушай... А может, маркером ему эту надпись подраскрасить? Пару букв исправить. Ну и добавим чего-нибудь от души. Мне кажется, он оценил бы.

И тут его прорвало. Пытаясь не заржать в голос на всю аудиторию, Михан просто рухнул лицом вниз, со стуком впечатавшись лбом в парту. Его плечи предательски тряслись. Глядя на него, я тоже окончательно сдался и затрясся следом, до слёз пытаясь удержать смех внутри себя.

— Молодые люди, — громко окликнул нас Егорыч, пухловатый мужик в круглых очках. — Да-да. Я к вам обращаюсь.

Сдерживая приступ смеха, я вальяжно кивнул ему, даже не подумав встать.

— Что вы мне киваете? Вижу, вам там весело.

— Да не, Егор... ович. Нормально всё, — выдал я.

Понятия не имел, как его зовут по имени. Хорошо хоть вовремя язык прикусил и не ляпнул «Егорыч».

— Раз нормально вам там, тогда будьте так добры, ответьте на мой вопрос. Можете даже посоветоваться. Вдвоём-то оно веселее, я смотрю. — Он снял очки и прищурился. — Так вот. Аквилеев закон, про который я рассказываю уже битых двадцать минут. К какой отрасли римского права он относится: к частному или к гражданскому?

Все сорок человек нашей группы, как по команде, обернулись к нам. По аудитории прокатился приглушённый смешок.

— Ну... — протянул я, пытаясь выудить из памяти хоть что-то, что пролетало мимо ушей всё это время. — К этому... цивилизованному, вроде?

Смешок в аудитории перерос в откровенное ржание.

— Ну почти. Почти, молодой человек, — саркастично кивнул мне препода. — А вы что скажете? — перевёл он взгляд на Миху.

— К частному, — мрачно буркнул тот наугад.

— Ну вы уж определитесь.

Мы молчали, лишь усиленно сверля взглядами изрисованную парту.

— Ясно, вас двоих на экзамен я завтра не допущу, — протянул препод, медленно обводя нас глазами.

— Николай Егорович, но тут ведь выбирать не из чего. Это ведь как спросить: яблоко — это фрукт или всё-таки яблоко?

Голос. Девчачий голос. Я поднял голову. Опять она. Опять эта девчонка.

— Смотрю, вы решили выручить своих будущих коллег? — сказал Егорыч, водрузив очки обратно на нос и повернувшись к ней. — Ну что ж, Дарья Дмитриевна. Продолжайте.

— Сам вопрос с подвохом. Цивильное право лежит внутри частного. Аквилиев закон — он частный, потому что защищает интерес отдельного лица: иск подаёт сам потерпевший, и штраф получает он же, а не казна. И он же цивильный, потому что это закон, а закон является источником цивильного права. — Она чуть помедлила. — Так что он и то, и другое.

— Дальше. Продолжайте, пожалуйста.

— Что дальше? — она растерянно посмотрела на него.

— А то, что вы уже начали. Что этот закон, собственно, несёт. Коротко.

— Ну... он вводит ответственность за противоправно причинённый имущественный вред. До него всё держалось...

Дальше я снова перестал вникать в смысл слов. Учёба опять полетела мимо моих ушей, только теперь я просто сидел и смотрел на неё. Взгляд, казалось, застыл сам собой. На том, как она держится. Как она красиво и уверенно говорит.

— И запомните все. Римское право — это фундамент, на котором стоит юриспруденция, — удовлетворённо кивнул ей Егорыч. — Умница. Садитесь, Дарья Дмитриевна.

Она села. Опять рядом с этим непонятным хмырём. Чтоб его.

— Наш Егорыч-то, походу, втрескался, — приглушённо заржал Миха.

— Да хорош тебе, Мих, — резко оборвал я его, всё ещё глядя туда, где за чужими спинами скрылась её хрупкая фигура.

— А вас, молодые люди, попрошу встать и покинуть мою лекцию, — переключил на нас своё внимание Егорыч. — Да-да. Я к вам обращаюсь. Встаньте, пожалуйста, и покиньте аудиторию. Мы с вами завтра на экзамене увидимся. За допуск к нему можете поблагодарить свою одногруппницу.

Вся аудитория вновь развернулась к нам. Я зло обвёл всех взглядом. В груди уже закипело, и я набрал воздуха в лёгкие, чтобы громко сказать преподу что-нибудь дерзкое напоследок... но тут наткнулся на её взгляд.

Я будто споткнулся о него.

Она тут же отвела от меня глаза.

Ну и ладно. Я тоже отвёл. Но весь мой запал разом куда-то испарился. Я лишь сгрёб со стола свой телефон, приглушённо буркнул «извините» и, процедив Михе «погнали отсюда», направился к выходу.

Дверь аудитории с глухим стуком захлопнулась за нашими спинами, отрезав нас от бубнящего голоса Егорыча. В пустом коридоре шараги было тихо и слегка прохладно.

— Слышь, Мих, — я засунул руки глубоко в карманы олимпийки, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально равнодушно. — А чё там за девчонка-то? Ну, которая отвечала сейчас.

Миха, всё ещё ухмыляясь после нашего эффектного изгнания, непонимающе сдвинул брови:

— В смысле, Тём? Ты про Дашу, что ль?

— Ну, если ты про ту, кого этот Егорыч Дарьей Дмитриевной называл, то да.

— А-а, ну да, она, — Миха пожал плечами. — А чё с ней? Баба как баба, ничего такая...

— Сам ты баба, — резко и намного быстрее, чем успел подумать, оборвал я его. И тут же попытался сгладить углы: — Да я вообще не про это. Чё за тип с ней всё время сидит? Весь день около неё трётся. Мутят они, что ли?

— Антоха-то? — Миха привалился плечом к стене. — Да он нормальный вроде. Насчёт мутят я даже не знаю, говорят, там без шансов у него. Федька рассказывал, что он к ней типа по учёбе подкатывает, ну помочь там всё время просит, все дела. Но она его сливает. Типа, мы просто одноклассники, и точка.

— Антоха, значит... — я крепко стиснул челюсти, глядя на закрытую дверь аудитории. В груди почему-то неприятно кольнуло.

— Короче, Мих, ты это, ты иди, — бросил я, не глядя на него. — А у меня тут ещё дела есть.

Михан устался на меня как на полного идиота и искренне рассмеялся:

— Да какие у тебя дела в шараге-то, Тём?! Ты чё? Это последняя пара вообще-то была. Кому ты там лечишь?

— Да хочу по этому экзамену всю инфу разузнать, — я выдал первую пришедшую в голову чушь и даже глазом не моргнул. — Дождусь её после пары. Спрошу, чё там как. Тебе-то чё тут торчать?

На лице Михи отразилась напряжённая мыслительная работа. Уйти домой или остаться посмотреть на этот цирк? Моя внезапная тяга к знаниям выглядела максимально подозрительно, и он явно почувствовал подвох.

— Ну... если надо, я останусь, Тём. Подождём, — неуверенно протянул Михан.

— Да не надо, говорю. Иди давай.

Но любопытство уже взяло над ним верх.

— Не-е. Я с тобой тут посижу.

Неподалёку от выхода из аудитории, у самой стены, стояла криво выкрашенная белой краской скамейка. Рядом громоздилась пара раздолбанных парт, уставленных чахлыми цветами в горшках. Эту зону комфорта мы с Михой тут же и оккупировали.

Время тянулось медленно.

Мишка залипал в мой телефон, то и дело всем телом заваливаясь набок каждый раз, когда мотоцикл на экране кренился перед прыжком.

— Дай сюда. Пройду тебе, — не выдержал я, выдернув у него мобильник. Смотреть, как он десять минут подряд убивается на одном и том же трамплине, уже не хватало нервов.

На экране телефона мотоциклист завис на заднем колесе перед очередным крутым подъёмом. Чёрные изломанные линии трассы, бледно-серый фон и пиксельный человечек, скрючившийся над рулём. Классика.

Вся хитрость была в том, чтобы на прыжке не передержать баланс, иначе воткнёшься носом в геометрию уровня, и тебе придётся всё начинать по новой.

Я привычно перехватил телефон поудобнее. Газ. Наклон. Прыжок. И, как назло, этот пиксельный байк смачно клюнул носом прямо на старте.

Миха рядом разразился злорадным гоготом.

— Вот тебе и пройду!

— Да тихо ты, кнопки просто залипают, — буркнул я, сбрасывая уровень. — Ладно. Сейчас всё будет. Погнали заново.

Наконец дверь аудитории распахнулась, и оттуда повалил народ. Я не глядя сунул телефон в карман и начал лихорадочно выхватывать глазами её в толпе.

Вот. Вот она.

— Эй, — окликнул я её. И шагнул ближе: — Эй.

— Ты мне? — она удивлённо обернулась.

— Ну, если ты Дарья Дмитриевна, то да. Тебе.

— М? — она вопросительно вздёрнула бровь, делая шаг в сторону от дверей, чтобы не мешать потоку студентов.

— Ну, я это... спасибо тебе сказать хотел, ну и я там напропускал ещё, — заговорил я, на ходу понимая, что несу откровенный бред. Под её внимательным взглядом из головы разом вылетели все заготовленные мысли. — В общем, экзамен уже скоро. А я слышал, ты тут разбираешься.

Даша, которая сначала слушала меня вполне серьёзно, вдруг легко рассмеялась.

— Да я заметила, что ты напропускал. Судя по тому, что я тебя вообще первый раз здесь вижу. И где это ты успел про меня что-то услышать?

— Ну там. Слышал, — я упрямо кивнул в сторону двери. — И это. Ну номер твой забыл. Мне бы напомнить его. Ну там, за помощью обратиться, если что. Да и вообще...

Она снова рассмеялась, хитро глянув на меня.

— Напомнить? Ты мало того, что где-то там что-то про меня слышал, так ещё и номер мой знал, просто подзабыл? Какой же ты, оказывается, талантливый.

— Ну что, Даш. Идём? — нарисовался рядом этот Антоха, тут же влезая в наш разговор. Внутри меня всё мгновенно напряглось, и я медленно перевёл на него взгляд. Совершенно злой, немигающий взгляд.

— А ты чё в разговоры чужие влезаеть, дружок? — тихо поинтересовался я.

За него неожиданно ответила Даша:

— Идём. Сейчас только, — она вздохнула и посмотрела на меня. — Ладно, записывай номер, горе. Всё-таки мы одноклассники.

Почему-то из её уст это странное «горе» прозвучало абсолютно необходимо. Даже наоборот.

Я с максимально деловым видом достал из кармана свой мобильник и небрежно крутанул его между пальцами. Ну, чтобы сразу было понятно, что человек я серьёзный и уверенный в себе.

Только вот пластиковый корпус предательски выскользнул из моих пальцев. Телефон полетел вниз и с грохотом разлетелся по линолеуму. Сам мобильник в одну сторону, крышка — в другую, а батарея так вообще усакала куда-то к дверям аудитории.

Я так и остался невозмутимо стоять. С таким лицом, будто всё так и было задумано. Мол, фокус такой, смотрите и учитесь.

Антоха откровенно и мерзко заржал. Мишка, как истинный братан, молча бросился на пол собирать по частям мою поруганную гордость.

А Дашка... Она не рассмеялась. Она, как ни странно, тут же присела рядом с Михой, подняв отлетевшую крышку.

Я же просто стоял, скрестив руки, и играл в гляделки с этим ржущим хмырём.

— Держи. Вроде собрал, — выдохнул Мишка через полминуты, протягивая мне мобилу.

— Проверь, пожалуйста, включается? — с искренним сочувствием спросила Даша, поднимаясь. Голос у неё был виноватый, словно это она его уронила.

— Да норм всё, — процедил я всё с тем же невозмутимым видом. Как будто звук удара моего телефона об пол только что не состарил меня внутренне на пару лет.

— Давай-ка я тебе лучше на листочке свой номер запишу, — мягко улыбнулась она. Быстро набросала ручкой в тетради, вырвала листок бумаги и протянула мне. — Вот. Только обещай сильно не надоедать.

— Да я чё? По делу только, — важно кивнул я.

Заметив, что она собирается уходить, я зацепился взглядом за её тетрадь. На обложке было что-то напечатано. Английскими буквами.

— А чё там написано? На английском что-то, — со знанием дела изрёк я. Ну чтобы понимала, что я тоже разбираюсь. Ну, не в смысле текста, а хотя бы язык узнал.

— Это? — Даша развернула тетрадь к себе. — Пер аспера ад астра. Это латынь. Слова одного римского философа, чьё имя тебе всё равно ничего не скажет.

На этот раз она не рассмеялась над моим вопросом, только улыбнулась.

— И чё это значит?

— Через тернии к звёздам, — перевела Даша. — Если это всё, то мне правда пора. Всем пока!

Она помахала нам рукой и пошла по коридору. Этот Антоха тут же дёрнулся следом за ней.

Ну уж нет. Не так быстро.

Я со всей дури вцепился ему в рукав, и ткань его куртки затрещала по шву.

Даша мгновенно обернулась.

— Ты это. Иди, Даш, — я растянул губы в максимально дружелюбной улыбке, не выпуская из рук чужую куртку. — А нам тут с новым приятелем пообщаться нужно.

— Ну уж нет. Отпусти его, — нахмурилась она.

М-да. Если это и была попытка выглядеть грозно, то она с треском провалилась. Но рукав типа этого я всё-таки послушно отпустил.

— Идём, — бросила она Антону. А затем посмотрела мне прямо в глаза: — Ну нельзя же так, Артём.

Развернувшись, она быстро зашагала по коридору. Спасённый Антон торопливо поплёлся за ней.

И только через пару секунд до меня дошло.

— Эй! — крикнул я ей вслед. — Ты откуда моё имя-то знаешь?!

Она обернулась всего на секунду. Я успел заметить лишь, как хитро блеснули её глаза, а затем... язык?

Она серьёзно показала мне язык?!

Внутри всё как-то странно перевернулось.

— Ну, Миха. Пойдём, — абсолютно довольным голосом произнёс я, смотря вообще в другую сторону.

— Слышь, Тём, — неуверенно начал друг. — Догоним его, может? Или проследим там... ну, до подъезда?

— Не. Она же сказала: нельзя. Но... проследить, чтобы крендель этот руки свои распускать не надумал, мы проследим.

Миха озадаченно почесал затылок, но спорить не стал, и мы двинули за ними следом.

Мы шли, держась на приличном расстоянии и старательно делая вид, что нам вообще нет до них дела. Но всю эту дорогу я был готов сорваться с места по первому же неверному движению рук этого Антона.

У одного из перекрёстков они просто кивнули друг другу и разошлись в разные стороны. Я облегчённо выдохнул, провожая взглядом её силуэт и расслабляя сжатые кулаки.

— Ну чё там, Мих? — спросил я, поворачиваясь к другу. — Каждый день у нас там пары, говоришь, бывают?

Глаза Мишки округлились так, что чуть не выпали из орбит.

Впрочем, я и сам был удивлён своим вопросом ничуть не меньше.

Глава 3

— Опять, что ли?

Паше хватило одного взгляда, чтобы понять, зачем я к нему пришёл.

— Не опять, а снова, Пашкевич. Буквально за полдня садится. Утром снимаю с зарядки, вечером батарея уже в ноль. Причём я же им почти не пользуюсь.

Его точка ремонта стояла прямо посреди прохода. Типичный такой торговый островок: стекло, витрины по бокам, нижняя подсветка. Внутри всё у него разложено строгими рядами: чехлы, защитные стёкла, зарядки, наушники, ремешки. Коробочки выстроены ценниками к покупателю. А по центру всего этого большая кричащая наклейка: «Срочный ремонт телефонов и ноутбуков».

Сам Пашкевич обосновался с обратной стороны прилавка. Там у него ноутбук, рабочий коврик, лампа-лупа и стакан с россыпью мелких отвёрток.

— А чего ты ожидал? Я тебе её когда собирал? В феврале, кажется? Или в марте. Свои полгода она честно отпахала.

Я протянул ему телефон. Пашка взял его в руки, ловко поддел ногтем заднюю крышку, вынул батарею и уставился на неё таким тяжёлым взглядом, будто она лично испортила ему весь день.

— Сделаем?

— Да сделаем, куда мы денемся. — Он протяжно вздохнул, нырнул под прилавок и начал там чем-то шуршать.

— Долго?

— Да час где-то. Может, чуть больше.

Я выразительно покосился на наклейку:

— А обещаете срочный ремонт. Эх, Пашкевич...

— Тём, ну мне же надо корпус вскрыть, всю эту дохлую начинку выкинуть, живую поставить и обратно запаять. А потом зарядить. Посидеть над ней, посмотреть, как напряжение держит. Если я тебе её сейчас отдам, то ты послезавтра прибежишь ко мне с той же проблемой. Вот тебе оно надо?

— Понял, осознал. Сделай всё по уму, Павлич.

— Вот и славно. Только над душой не стой, пожалуйста, Тём. Иди погуляй. Через час возвращайся.

— Уже ухожу. Хороший ты друг, Паштет. Только вредный, блин, — улыбнулся я.

Тот лишь отмахнулся, окончательно погрузившись во внутренности телефона.

— Тебе принести, может, чего-нибудь? Пожевать там? Ну или чай-кофе?

— Не-а. Просто прекрати коверкать моё имя, и на том спасибо. Давай, вали уже. Я напишу тебе, как закончу. Хотя нет, стой. Кофе мне возьми. Ну этот... который с шоколадом. Мокко.

— Будет исполнено, Пал Петрович! Напиши тогда, как закончишь.

Кивнув торчащему из-за прилавка затылку, я развернулся и зашагал к эскалаторам.

Пашкина точка находилась в подземном торговом комплексе. Может, и не самом крупном в Москве, но точно одном из самых старых. Прямо в сердце города. Так, сейчас я на минус втором. Мне нужен минус третий.

Я сошёл с эскалатора и сразу попал в гул фуд-корта. Десятки забегаловок плотно жались друг к другу вдоль стен. Бургеры, шаурма, блины, курица, ещё какие-то бургеры. И над каждой агрессивно било по глазам светящееся табло.

Возьму кофе и посижу пока тут.

Посередине выстроились ряды стандартных светлых столов. Найти свободный здесь, похоже, будет непросто. Почти все места уже оккупированы жующими людьми. Воскресенье всё-таки.

Я подошёл к одному из этих ярких островков и пристроился в очередь. Минут через пять настал мой черёд.

— Мне американо и мокко.

— Американо или мокко? — переспросила девушка в фирменной одежде.

Вид у неё был такой измученный, и смотрела она на меня так, будто за этот прилавок её загнал лично я, и вся тяжесть её смены тоже лежит на моей совести.

— И то, и другое.

— И американо, и мокко?

— Да. Два кофе. Один американо, один мокко, — раздельно произнёс я. И на всякий случай пояснил: — Ну тот, который с шоколадом.

— Молоко вам растительное? Обычное? Корицу добавим?

— Думаю, обычное. Ну, коровье. Без корицы.

— Шоколадного сиропа нет.

Я на секунду завис.

— И?

— Мокко сделать не сможем. Макиато будете?

— А в чём разница?

— Мокко с шоколадом, макиато без. Ну, и молока там чуть меньше.

Сзади кто-то громко, раздражённо фыркнул, и я невольно обернулся. Какая-то грузная тётка всем видом показывала, как её бесит мой неспешный диалог. Эта возня с Пашкиным заказом выматывала уже и меня.

— Давайте тогда так. Один американо и один этот ваш... макиато, — сдался я. А потом, немного подумав, добавил: — А шоколадки у вас есть?

Девушка устало мотнула головой на витрину справа от кассы.

— Да мне любую пробейте.

Я подхватил шоколадный батончик, забрал чек с номером заказа и поспешно отошёл, чтобы лишний раз не провоцировать тётку за спиной на открытый скандал.

Через пять минут мой заказ был готов. Обхватив ладонями горячие картонные стаканы, я побрёл по залу, выискивая свободное место. Нашёл один стол у самого края. Опустился на стул, стянул наплечную сумку и повесил её на спинку.

Никогда не любил такие сумки. Жутко неудобная вещь, но куда деваться, карманы-то не резиновые.

Я устался на два стакана перед собой. Так. Вот мой, поменьше. А вот Пашкин. И тут до меня с опозданием дошла собственная глупость. Блин. Через час этот макиато же превратится в не пойми что.

Пока сидел, я достал смартфон, решив полистать бесконечную ленту новостей.

В основном там обсуждали лесные пожары в Сибири. Какие-то знаменитости пытались привлечь внимание властей к этой проблеме. Арктика тоже горела, Гренландия таяла, а в Анкоридже стояла какая-то невероятная жара. И на фоне всего этого глобального потепления — Москва, где выдался самый холодный июль за последние тридцать лет.

Я прокрутил ленту дальше. В центре кого-то задержали. В Люберцах массовая драка. Мужики сошлись в неравном бою на лопатах.

Свернул приложение. Дальше там совсем информационный мусор пошёл, уж лучше чем-то полезным заняться. Открыл приложение с объявлениями и монотонно заскользил пальцем по экрану.

Так. Аренда, свободное назначение. Склад, опять какой-то склад, а это и вовсе подвал. Половина этих мёртвых вариантов висит ещё с весны. И неудивительно: то вход через разбитый двор со шлабаумом, то фотографии такие, будто снимали на ходу в полутьме и не совсем в трезвом состоянии.

И тут мой взгляд зацепился.

Первый этаж, сто тридцать квадратов, отдельный вход с улицы. Всего три фотографии: пустая коробка, серый пол и свежая штукатурка. Выложено сегодня. Буквально час назад.

Я аж выпрямился.

Скопировав ссылку, тут же скинул её Дену с припиской: «Смотри, только выложили! Звони им прямо сейчас».

Ответ пришёл через минуту: «Ооо». Потом короткое: «звоню».

Через минут десять экран вновь засветился: «взял трубку. завтра в 10 покажет». И следом: «Тём, если там всё норм, то берём не думая. Это же твой район. Сам же знаешь, дома там сдают один за другим, столько туда народа набьётся».

Я ответил ему, написав, что к десяти буду. Отправил сообщение и отложил телефон на стол, экраном вниз.

Ну год мы с этим провозимся. Ну два, может. Дальше, как ни стараюсь, особых перспектив я не вижу.

Завтра ещё понедельник этот. Опять в эту рабочую...

Вдоль позвоночника пробежал мерзкий холодок.

Вторая неделя. Завтра пойдёт уже вторая неделя.

Я машинально потянулся к своему стакану. Пусто. Я даже не заметил, в какой момент влил в себя весь кофе. Ну что ж. Попробуем этот твой макиато, Паш. Вообще не то. Какая-то сладкая и окончательно остывшая жижа. Я отодвинул этот стакан как можно дальше.

Оставшееся время просто сидел. То откидывался на стуле, то снова наваливался на стол. Нервное напряжение искало выход: беспечно возил телефон по столешнице туда-сюда, переворачивал экраном вниз, брал в ладонь, снова клал на стол.

Наконец он издал короткий писк. От контакта «ПашТех» пришло всего одно слово: «Закончил».

Снова отстояв очередь за Пашкиным недомокко, я вернулся к его островку.

— Секунду, — отозвался он, заметив меня.

Пашка как раз сосредоточенно клеил кому-то стекло на экран. Закончив, он достал из-под прилавка мой телефон и протянул его мне.

— Вот. Держи. Снова полгода уж точно отходит.

Мои пальцы тут же привычно зажали тугие кнопки: меню, сообщения. Прокрутил до самого начала и закрыл. Все сообщения на месте. Все до единого.

— И вообще. В который раз прошу, — Паша наконец поднял на меня взгляд. — Ну купи ты себе уже нормальный телефон, а? Такой же вот, с кнопками, сейчас ведь и новые такие делают. Хочешь, я сам тебе закажу?

— Я подумаю, Пашконафт. Обязательно подумаю. Вот твой кофе. Ну и шоколадка. Шоколадного сиропа у них не нашлось, так что мокко ты уж сам доготовь.

На очередное коверканье своего имени Пашка лишь страдальчески простонал «а-а-а», даже не пытаясь спорить.

— С меня как обычно? — спросил я, всматриваясь в крошечный экран.

Индикатор заряда полный. Значит, можно не беспокоиться.

— Ну да. Как обычно.

Мы крепко пожали друг другу руки, условившись как-нибудь обязательно созвониться и посидеть, после чего я двинулся на выход. Точнее, в метро. Сегодня я решил обойтись без машины.

Вчерашняя дорога из Спасовска далась мне слишком тяжело. Голова раскалывалась так, что я вжимался в руль обеими руками, чувствуя висками каждую трещину на асфальте.

А ещё этот сушняк. Пить мне хотелось до такой степени, что я сворачивал практически на каждую заправку. Покупал бутылку воды и жадно вливал в себя половину прямо у капота.

После такого соваться в центр на авто не было никакого желания. Будешь полчаса кружить по переулкам, пытаешься куда-то воткнуться. То ли дело метро: спустился, сел, и через полчаса ты дома. По прямой, без всяких пересадок.

Из душного торгового комплекса переход вывел меня прямиком к короткому спуску. Шаг, другой — и вот я уже стою на платформе одной из тех самых первых станций, построенных ещё в тридцатые. Низкие своды, ряды массивных колонн, светлый мрамор.

На табло над путями светилось «Коммунарка».

Я всё никак не привыкну к этому названию. Ещё месяц назад конечной была моя станция «Саларьево», а теперь ветку протасили дальше. Мой район наконец перестал быть краем земли. Хотя назвать его своим язык у меня не поворачивается. Переехал я туда не так давно и до сих пор толком не обжился.

Наконец с гулом подошёл поезд. Двери с шипением разъехались, и я шагнул внутрь.

Ого. Даже свободные места есть.

Я сел и, вставив в уши наушники, поднёс к лицу смартфон. Экран послушно разблокировался. В ушах заиграла музыка, сразу отсекая меня от шума вагона.

Состав плавно набирал ход. Я ушёл в свои мысли, глядя в окно, где сплошной чёрной полосой проносился туннель.

На следующей станции на соседнее место опустилась девушка. Рядом с ней встал парень, с которым она зашла. Свободных мест больше не осталось.

— Садитесь, — сказал я и поднялся.

Парень, совсем ещё молодой, лишь удивлённо на меня взглянул и опустился на сиденье. Его губы шевельнулись. Видимо, он поблагодарил меня, но из-за музыки я всё равно ничего не расслышал.

Я прислонился к противоположной створке и стал разглядывать вагон. Люди вокруг прятались в светящихся экранах. Выбивался из всей этой массы разве что неряшливого вида мужичок с раскрытой газетой, у ног которого стояла клетчатая сумка на колёсиках, доверху набитая такой же прессой.

И та девушка. Мой взгляд ненадолго задержался на ней. Она ехала с закрытыми глазами, уютно и совершенно мирно прижавшись к своему парню.

Я даже невольно улыбнулся.

А в моих наушниках звучала всё та же песня. Всё те же слова.

Я говорил им:

Я в порядке.

Я говорил:

Всё прошло.

Глава 4

Мы только-только вышли с учёбы и стояли с Михой у входа в нашу шарагу. Улица встретила нас пронизывающим холодом. Поздняя осень всё-таки уже брала своё.

— Так чё, ты завтра на пересдачу-то идёшь? — спросил я Миху. Сам при этом с нескрываемым удовольствием смотрел в спину удаляющемуся Антону. Лицо у того было кислее лимона.

Вчерашний экзамен был нами предсказуемо завален, но меня это мало волновало. Мои мысли были заняты совсем другим. Точнее, другой.

— А она чё, завтра, что ли? — удивился Михан.

— Ну да. Егорыч же сказал, что можно с параллельной группой прийти.

— А. Не, Тём. Я пас. Не учил ничё, — мотнул головой Михан.

— Ну смотри.

— Да я потом ему сдам. Ну чё? Погнали? — Он явно торопился домой.

— Не, Михан. Дашку дождусь. Проводить обещал же, — махнул я рукой, изображая, что мне якобы не больно-то и хотелось, но раз обещал, то надо. Хотя сам светился от счастья.

Дашка сегодня весь день терпеливо пыталась подтянуть меня к пересдаче по римскому праву.

— Ну я погоню тогда, Тём. Холодрыга а то такая, — сказал он, ёжась от промозглого ветра.

— Да, давай. Увидимся, Мих, — пожал я протянутую им руку, и он тут же чуть ли не бегом двинул в сторону дома.

Впрочем, я и сам уже успел замёрзнуть. Решив сегодня выглядеть максимально круто, я не надел ни куртку, ни тем более шапку, оставшись лишь в одной лёгкой олимпийке.

Дверь позади меня хлопнула, и я обернулся. Дашка. Идёт, улыбается. На моём лице тоже расплылась улыбка. Расплылась настолько, насколько это было возможно.

— А ты чё Антону-то сказала? — спросил я, не пряча довольной ухмылки.

— А что? — хитро прищурившись, посмотрела она на меня.

— Ну, он поникший такой был. Мне даже жалко его стало.

— Я сказала, что ты пойдёшь меня провожать. Он хороший. Правда. Не обижай его.

— Да я и не собирался. Больно мне это надо, — пожал я плечами, пряча замёрзшие руки глубже в карманы.

— Хорошо! — Она удовлетворённо кивнула, поудобнее замоталась в шарф и тут же забавно затараторила, шагая рядом со мной: — Ну что? Ты запомнил хоть что-то? Обязательно прочитай перед сном то, что мы записали. Он любит спрашивать про само понятие римского права. Ну и ещё, почему агнатское родство сменилось когнатским. Про дееспособность там, правоспособность. И в чём заключалось...

— Стой-стой. Даш, тормози, пожалуйста, — шутливо взмолился я. — Я же так вообще всё забуду.

Она остановилась прямо посреди тротуара и рассмеялась, глядя на меня.

— Ты хотя бы про Аквилев закон не забудь. Он обязательно ведь спросит, запомнил, что ты не ответил ему тогда. И ещё...

— Про то, что римское право является фундаментом всей юриспруденции, — улыбнулся я, блеснув своим главным знанием.

— Умничка, — похвалила она меня так искренне, что я даже на время про ветер этот забыл.

— Ну конечно. Ещё бы я тебя подвёл, — я важно вскинул голову.

— Тём, мне что-то кажется, ты немножко замёрз, — её голос вдруг стал удивительно нежным. — Ты бы хоть одевался теплее. Тебе до дома далеко идти?

— Да какой там. Я же закалённый, — бодро соврал я и тут же предательски шмыгнул носом.

— Ну да. Я вижу, какой ты закалённый, — она не сдержала улыбки. — Пойдём быстрее. Давай-ка лучше это я тебя провожу.

— Слушай, Даш. А давай, может, зайдём в «Фаворит» этот? Ну чай там попьём? — предложил я как-то робко, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал непринуждённо.

— Ну пойдём, — кивнула она, соглашаясь.

На секунду мне даже показалось, что она обрадовалась этому моему нелепому предложению.

Мы свернули на Пушкина. Именно там и находилась эта обшарпанная забегаловка, больше похожая на школьный буфет из прошлого века. Днём тут было пусто, зато по ночам стабильно тусовались всякие мутные личности.

— Пойду возьму нам чай, — сказал я, когда мы сели за столик. — Может, тебе ещё что-нибудь взять?

— А ты что будешь? — посмотрела она на меня своими огромными глазами.

— Я чай только. Я кушать не хочу. А ты возьми.

— Я тогда тоже не буду, — пожала она плечами.

Я кивнул и подошёл к стойке, где меня встретила довольно суровая женщина. Она была явно недовольна тем, что я мешаю ей изучать газету.

— Нам два чая. И вон то пирожное, — попросил я.

— Сорок три рубля, — буркнула она, даже не подняв на меня глаз.

Я вытащил из кармана мятую пятидесятирублёвую бумажку и протянул ей.

— Сдачи не надо, — важным тоном произнёс я чуть громче нужного, надеясь, что Даша это услышит.

Женщина за стойкой наконец соизволила поднять на меня глаза. Она медленно перевела взгляд с моего лица на полтинник, и в её глазах отчётливо прочиталась насмешка. Я на это даже бровью не повёл.

Через пару минут, забрав свой заказ, я сначала торжественно поставил на наш стол два гранёных стакана со свисающими ярлычками чая с какой-то индийской принцессой. А затем принёс блюдце с пирожным и, подвинув его к Даше, сел напротив.

— Ой, это мне? Спасибо большое! — её лицо озарилось такой искренней, неподдельной радостью, что я невольно расплылся в глупой улыбке.

— Даш... Так откуда ты имя-то моё знала? — спросил я, обхватив свой стакан обеими руками, чтобы хоть немного согреть пальцы.

— А вот и не скажу, — хитро блеснули её глаза. — Давай, ешь со мной. Я одна не осилю, — добавила она, придвигая ко мне блюдце с крошечным пирожным.

— Да я не голоден. Честно, — соврал я.

— Ну немножко хотя бы.

— Ну, если только за компанию, — сдался я и потянулся за ложкой. Она проделала то же самое. На вкус оно оказалось куда лучше, чем на вид.

— Даш. Ну всё-таки. Скажи, — уже настойчивее попросил я.

— Не-а, — она забавно подула на пар, поднимающийся от чая.

— Ну скажи-скажи-скажи, — протянул я, с улыбкой изображая нытьё.

— Ладно-ладно, уговорил, — наконец сдалась она. Подняла на меня серьёзный взгляд и продолжила: — Помнишь, года два назад... В феврале у нас все школы собирались?

— Ну... — нахмурился я, пытаюсь выудить это из памяти. — Там ещё вроде песни пели дурацкие?

— Угу.

— Ну? И чё там?

— Ну и замёрзла я там ужасно. Я же как раз-таки и была одной из тех, кто пел эти дурацкие песни, поэтому легко одета была, — Дашка смущённо улыбнулась и продолжила: — А там ветер такой ледяной был. Стою, трясусь потом вся. А ты... — она как-то очень странно посмотрела на меня. — Ты мне куртку тогда свою протянул.

—Эм... ну да, помню вроде да... — неуверенно протянул я, хотя в памяти было абсолютно пусто. Ничего такого я не помнил.

— Помнит он, ага, — рассмеялась Дашка, сразу раскусив мою ложь. — Врушка, ты тогда даже не взглянул на меня толком. Сунул куртку и отвернулся к своим.

— Да неправда! Там просто толпа такая была... Стой, так это получается...

— Ничего не получается! — поспешно оборвала она меня. Щёки её слегка порозовели, и она торопливо перевела тему: — Давай-ка мы лучше повторим, что ты там запомнил.

Я улыбнулся и решил пока оставить свои расспросы.

— Ну, давай.

— Ну тогда. Правоспособность — это что у нас?

— Это... ну, когда права есть.

— У кого?

— Ну... у человека. У кого.

— А смотри. Вот дяденька совсем взрослый, женатый. А папа у него живой. Права у него есть?

— Ну... есть, наверное.

— И вот он, например, дом себе купил. Это чей дом получается?

— Ну а чей же? Его, дядьки этого.

— А вот и нет! Дом папин. У них в Риме всё было папино, пока он жив. Представляешь? И неважно, сколько тебе лет.

Я молча кивал, любуясь ею. Смотрел на её оживлённое лицо, на то, как она смешно морщит нос, объясняя мне эти древние непонятные законы.

— Во-о-от, запоминай, — она сделала глоток чая. — Правоспособность — это возможность иметь права. А дееспособность — возможность ими распоряжаться. Понял?

— Ну всё. Теперь всё понял, — кивнул я. Хотя на самом деле понял в лучшем случае половину.

Мы просидели так с ней ещё с полчаса, неспешно попивая этот совершенно безвкусный чай, который казался мне самым лучшим на свете.

— Ну что? Пойдём? — спросила она, собираясь.

— Ну, пойдём... — вздохнул я. Уходить мне совершенно не хотелось.

Вернув стаканы на стойку, мы вышли обратно на промозглую осеннюю улицу. Вокруг уже прилично стемнело.

— Я тебя провожу, — произнёс я тоном, не терпящим возражений.

— Ну ты же опять замёрзнешь, — вздохнула Даша.

— Провожу, говорю же, — упрямо отрезал я, засунув руки в карманы.

— Ну хорошо. Проводи немножко. Мне на Юбилейную. Тебе оттуда далеко?

— Да не, минут пять от силы, — не моргнув глазом соврал я, хотя от Юбилейной мне топтать до дома минимум минут двадцать.

— А тебе куда вообще?

— На Космонавтов.

— Ох и врушка, — она рассмеялась. — Пять минут ему. Пойдём, но у меня одно условие. Её хитрый взгляд не предвещал мне ничего хорошего.

— Какое условие ещё?

— Ты наденешь вот это, — она решительно размотала свой шарф и протянула мне.

— Ну уж нет. Ни за что, — рассмеявшись, я уставился на этот цветастый, абсолютно девчоночий шарфик.

— Ну нет так нет. Тогда я сама дойду, — она забавно нахмурила брови и сделала вид, что уходит.

И вот мы уже вместе шагаем сквозь сумерки в сторону её дома, и я кутаю нос в этот девчоночий шарф. И, что самое странное, в тот момент мне было абсолютно плевать, даже если прямо сейчас навстречу выйдет кто-то из знакомых.

— Тём, мой дом там, в самом конце, — она махнула рукой куда-то в темноту. — Дальше я уж сама.

Всю дорогу мы болтали без умолку, и я даже не заметил, как уже оказались на Юбилейной.

— Слушай... Может, зайдёшь? Бабушка тебя чаем с малиной угостит. Вкусно... — посмотрев на мои красные от холода уши, вдруг предложила она.

Мне ужасно не хотелось с ней расставаться, но заваливаться в гости и стеснять её бабушку было крайне неловко.

— Да у меня это... на тренировку скоро. Я до угла твоего дома тебя провожу и побегу, — ответил я.

Заметив, что Даша хочет отказаться, я тут же добавил:

— Ну хотя бы до угла! Чего мне сделается, меня же вон, шарф твой греет.

— Ну, пойдём уже тогда, — улыбнулась она, сдаваясь.

Мы дошли до угла её дома, и в воздухе повисло то самое неловкое молчание, когда уходить совершенно не хочется, но и стоять просто так уже глупо.

— Даш... — начал я неуверенно, переминаясь с ноги на ногу. — Я это. Если завтра сдам... Пообещаешь мне кое-что?

— Что? — она удивлённо вскинула на меня глаза.

— Ну, это. С этим своим больше не сидеть.

— А с кем мне сидеть? — её губы дрогнули в сдерживаемой улыбке.

— Ну это... со мной можно.

— С тобой, значит, можно? А с ним нет?

— Ну и сиди тогда со своим Антохой... — буркнул я, безуспешно пряча обиду.

— Ладно-ладно. Я подумаю над твоим предложением, Тём, — она уже открыто улыбалась. — Беги давай. Раз зайти не хочешь. Замёрзнешь ведь совсем.

— И это, Даш...

— Что?

Вместо ответа я просто показал ей язык.

— Ну ты и... — звонко рассмеялась она.

— Кто?

— Дурашка. Вот ты кто. Что ты там хотел сказать? — она вдруг соорудила жалобную мину, передразнивая меня в кафе: — Ну скажи-и. Скажи. Скажи.

— Потом скажу. Всё, иди давай. Я тут постою, посмотрю.

— Я запомнила! И удачи тебе завтра. Не сомневаюсь, что легко сдашь.

Она немного потопталась на месте, словно тоже не хотела уходить, а потом всё-таки развернулась и зашагала в сторону своего подъезда.

Я стоял, провожая её взглядом. И тут меня осенило.

— Даш! — крикнул я ей в спину. — Шарф забыла!

Она обернулась.

— Потом вернёшь! Ну иди уже. Дойду я, не переживай!

Она помахала мне рукой и тоже показала язык. Ну вот, опять.

А я так и остался стоять на месте. Замёрзший и счастливый.

— Хорошо мне с тобой. Вот что, — произнёс я вслед её хрупкому силуэту, растворяющемуся в этих сумерках.

Уже на следующий день я торчал в коридоре на пересдаче.

Дверь приоткрылась, и наружу выполз тощий тип из параллельной группы. Вид у него был такой, будто его катком переехали.

— Ну чё там? Как он? — тут же подскочил к нему кто-то.

— Да валит вообще без шансов. Заходите, кто там следующий, — вяло бросил тощий и поплёлся прочь.

Да чтоб тебя. Обречённо выдохнул я и, дёрнув ручку двери, зашёл в аудиторию.

— Добрый день, молодой человек. Зачётную книжку на стол, пожалуйста. И можете тянуть билет, — с максимально важным видом изрёк Егорыч.

Конечно, чё бы тебе важно щёки-то не дуть, закипал я внутри. Сидишь тут царём, а мы перед тобой прыгать должны. Но вслух произнёс:

— Добрый. Николай Егорович.

Спасибо Дашке, что хоть имя его выучил.

Я положил зачётку на край стола и вытянул первый попавшийся билет.

— И что мы застыли как изваяние? Идите, садитесь, собирайтесь с мыслями. Минут пятнадцать у вас есть, — Егорыч мельком глянул на часы. И вдруг ехидно добавил: — Или, быть может, вы сразу ответить хотите?

— Не-е. Я пойду это... мысли собирать, — буркнул я и двинул к задним рядам.

— Артём Владимирович, ну куда же вы так далеко? Садитесь поближе, — прилетел мне в спину голос этого доставучего препода.

Я обернулся. Егорыч сидел, с интересом изучая мою раскрытую зачётку. Ещё чего. Поближе к нему садиться. Обойдётся. Я молча плюхнулся за парту где-то посередине.

Билет мне достался под номером двенадцать. Я мысленно возликовал. С первым вопросом мне откровенно повезло: «Правоспособность римского гражданина».

А вот со вторым не очень... «Обязательство; виды обязательств».

Я уставился на строчку, абсолютно ничего не соображая. Ещё бы написали по-человечески, блин! Чьи обязательства-то? Кого перед кем? Осла римского? Вот поставят тебя на счётчик, Егорыч, и будет тебе самый наглядный вид обязательства.

Я невольно ухмыльнулся своим мыслям.

Ладно. Сначала надо раскидать первый вопрос. Сколько раз мы с Дашкой его повторяли, надо было всё это только вспомнить. Потупив немного, я понял, что выуживать из памяти мне особо-то и нечего. Забил на это дело и принялся откровенно скучать.

— Ну что. Вижу, вы уже готовы отвечать? — внезапно прервал мои зависания бодрый голос препода.

Видимо, Егорыч заметил, что вместо подготовки я тупо пялюсь в окно на улицу.

— Ну. Готов, вроде... — протянул я.

Хотя какой там готов, разве что к провалу. Но смысла дальше протирать штаны за партой всё равно не было. Я встал и направился к преподавательскому столу.

— Интересно-интересно. Ну давайте. Рассказывайте нам всё, что знаете, — произнёс Егорыч, стоило мне положить перед ним билет.

— Ну... правоспособность. Это когда у человека права вообще есть. А дееспособность — это когда он ими сам... ну, распоряжается ими, — неуверенно выдал я, отчаянно роясь в памяти.

Егорыч лишь молча кивал, я же совершенно не представлял, что мне говорить дальше.

— Ну вот... допустим, — я решил особо не заморачиваться и просто пересказать ему Дашкины слова. — Мужик такой. Взрослый. Женатый к тому же. А отец у него живой. Права

у него вроде как есть. Он даже хату... то есть дом купить может. Только дом этот всё равно отцовским будет.

— Так. А если бы у этого... мужика, как вы выразились, был жив дедушка? — попытался подловить меня препод.

— Ну... получается, всё дедово тогда? — вопросительно выдал я.

К таким поворотам римского сюжета я не готовился. Но, кажись, саму формулу я уловил: кто старше, тот и главный.

— Верно. А вот если не стало ни отца, ни дедушки? Но остался старший брат. То?.. — Егорыч выжидательно замолчал.

— Старшего брата всё, конечно, — уверенно выдал я. По логике тут всё сходилось.

— Нет. Как раз-таки уже нет, — довольно улыбнулся он. — Смотрите. Вся власть в семье принадлежала отцу. Соответственно, всё нажитое — что? Правильно. Принадлежит ему. А вот когда он умирает, между его сыновьями возраст уже не имеет значения. Каждый в своей семье становится главным. Однако, вижу, суть вы, в принципе, уловили. А ответьте-ка: правоспособность у всех одинаковой была?

— Не-е... не у всех. Смотря кто ты там. Ну, гражданин или так.

— Ладно. Давайте перейдём к следующему вопросу, — произнёс Егорыч, чуть заметно кивнув.

— Обязательства — это... Ну, когда ты там кому-то должен, — выдал я первую же глупость, пришедшую на ум.

— А что вы так неуверенно? В принципе, всё верно. В римском праве обязательство понимали как правовые узы, связывающие двух лиц: одно лицо имеет право требовать, а другое обязано исполнять это требование.

— Ну да, я это и имел в виду, — поддакнул я, мысленно ошалеv от того, что смороженная мной дичь вдруг сошла чуть ли не за научный ответ.

— А вот виды. Как возникали сами эти обязательства между двумя людьми?

«Да я-то откуда знаю?» — чуть было не сорвалось у меня с языка. Я молчал, напряжённо сверля взглядом стол и пытаюсь хоть что-то придумать.

— Ну вот, например, из деликтов. Я у вас на лекции как раз спрашивал об одном, — нарушил эту тишину Егорыч. — Не напомните мне его название?

Вот засада. Я ведь повторял это! Дашка предупреждала, что он стопудово про это спросит. Но как бы я ни напрягал свой мозг, в памяти всплывала лишь какая-то каша из букв.

— Закон... Аве... дуков? — неуверенно выдал я.

— Акведуков? — Егорыч расплылся в широкой улыбке. — Может быть, Аквилиев?

— Аквилиев! Точно! Да! — обрадовался я его подсказке и, пока он не начал валить меня дальше, быстро выпалил то, что помнил. Суть-то этого закона мне Даша в голову вбила: — По этому закону, если тебе кто-то навредил, то виновный должен за это ответить!

— Мысль верная, — кивнул Егорыч. — Но точнее будет выразиться так: если кто-то незаконно навредил чужому имуществу, то виновный должен возместить этот ущерб.

Я энергично закивал, всем своим видом показывая: да-да, Николай Егорович, именно это я и хотел сказать.

— Ну что ж. Удивили вы меня в этот раз, Артём Владимирович. Удивили, — Егорыч стянул очки и прищурился. — Давайте так. Добавьте ко всему сказанному хоть что-нибудь ещё. Даже не по билету. И поставлю вам четыре. Договорились?

И тут я завис. Мой лимит древнеримских знаний был исчерпан до дна.

— Ну хотя бы один термин мне назовите. Или вообще любую фразу на латыни, которую вспомните.

Фразу. Латынь. Я судорожно перебирал в памяти хоть что-то, отдалённо её напоминающее. Вспомнил только одно. Обложку Дашкиной тетрадки. Но я понятия не имел, будет ли это

здесь в тему. Впрочем, Егорыч так выжидающе сверлил меня взглядом, что отступать было некуда.

— Пер... аспера... ад астра, — тихо буркнул я.

Услышав это, Егорыч вдруг добродушно и негромко засмеялся.

— Ох, молодой человек. Ну насмешили. И что ж вам, молодёжи, так нравится эта перефразированная строчка Сенеки из «Неистового Геркулеса»? Из-за его пафосного перевода, наверное, да? Нелёгко путь от земли к звёздам.

Увлёкшись, Егорыч перешёл в какой-то странный режим. Сам задавал вопросы и сам же на них отвечал. А мне оставалось лишь с умным видом ему кивать.

— Вообще, что примечательно, судьба самого древнеримского философа и государственного деятеля Луция Аннея Сенеки довольно трагична. Он же являлся и воспитателем, и советником того самого печально известного императора Нерона. И вот когда император вырос, то...

Тут Егорыч, будто опомнившись, бросил взгляд на наручные часы и, к моему огромному счастью, оборвал свой исторический рассказ.

— Ну что ж. Артём Владимирович Титов. Фамилия-то у вас, кстати, римская. Знали об этом? Тит значит честь по-латыни. Преномен. То есть первая часть римского имени. Тит Ливий, слышали о таком?

— Да, вроде слышал, — не моргнув глазом соврал я.

Так и подмывало ляпнуть, что слышать-то я о нём слышал, но лично мы с ним, к сожалению, не пересекались.

Улыбнувшись, Егорыч размашисто чиркнул ручкой что-то в моей зачётке и протянул её мне.

— Четыре. Но вы легко и на пять могли бы сдать. Пусть следующий заходит. Много там их ещё?

— Да человек семь, вроде. Спасибо вам огромное, Николай Егорович! — совершенно искренне поблагодарил я его.

Схватив зачётку, я пулей выскочил за дверь.

— Ну чё там? Чё как? — посыпались на меня со всех сторон вопросы.

— Да чё. Нормально всё. Отличный он мужик, — довольно ухмыльнулся я. — Заходите, кто там следующий.

И, не оглядываясь, зашагал по коридору к выходу. В голове была только одна мысль: скорее рассказать обо всём Дашке. Обрадуется ли она? Мне так хотелось верить, что да. Что эта дурацкая четвёрка, полученная только благодаря ей, для неё тоже хоть что-то значит.

За окнами шараги уже кружил первый, мелкий и колючий ноябрьский снег.

А внутри меня всю расцветала настоящая весна.

Глава 5

— ...то есть получается сам вопрос по помещению закрыт?

Голос Виктора Сергеевича звучал из колонок в салоне автомобиля, с той слегка бочкообразной гулкостью, свойственной громкой связи. Защёлкав правым поворотником, я аккуратно вклинился в соседний ряд.

— Да. Закрыт. Мы с собственником, Константин его зовут, обо всём договорились.

— И как он?

— Нормальный мужик. Ключи нам с Денисом дал. Вадим тоже подъехал, мы всё внимательно посмотрели. Отдельный вход, первый этаж. В принципе, то, что нам и нужно.

— Отлично. Отлично. — Сергеич явно был доволен. — А по срокам там что, Артём? Нам бы к концу лета там запуститься уже.

Я плавно затормозил на красный. Сзади тут же кто-то истошно вдавил клаксон, следом за ним засигналил второй. Я глянул в зеркало заднего вида. Вроде ничего не происходит. Видимо, водители просто отдают дань уважения традиции постоять в пробке с такой вот незамысловатой музыкой.

— Да думаю, успеем. Сейчас как раз еду обсуждать это с ребятами.

— Это правильно. Это я одобряю. — Сергеич взял паузу, чтобы отпить из бокала. Из динамиков доносился гул голосов и звон посуды — он явно сидел в каком-то заведении. — Нам нужен этот август, Артём. Конец августа.

— Я понял, Виктор Сергеевич. Сделаем всё возможное.

— Ты понять-то понял, но ты в суть вникни. Люди под конец лета с отпусков возвращаются. Представь: прилетаешь ты домой уставший, после долгого перелёта. А дома шаром покати, в холодильнике мышь повесилась. И что, ты побежишь по магазинам разве? Да и в одном магазине всего ты не купишь. А нужно-то всё быстро, прямо здесь и сейчас. А тут мы. Готовы прийти им на помощь. За ваши деньги, как говорится. Момент, понимаешь, Артём? Момент нам упускать нельзя.

Жёлтая машина резко дёрнулась из соседней полосы. Этот-то куда постоянно лезет? То в мой ряд метнётся и по тормозам, то обратно. Шашечник хренов.

Проглотив раздражение на таксиста, вслух я ответил Сергеичу всё тем же ровным тоном:

— Не упустим. Не переживайте, Виктор Сергеевич. Всё сделаем как надо.

— Вот. Вот, так и надо, — умиротворённо подытожил он. — Ты мне завтра тогда набери, дорогой.

— Обязательно. С утра вам отзвонюсь.

Сергеич сбросил вызов. Звуки ресторана оборвались, и в машине снова повисла тишина, нарушаемая лишь изредка ритмичным звуком поворотника.

На Крымский Вал я вывернул уже ближе к девяти вечера. Подкатившись к шлагбауму, я опустил стекло и вытянул талон. Полосатая стрела неохотно поползла вверх.

Место нашлось не сразу, и мне пришлось нарезать круги по рядам, прежде чем я, сложив зеркала, протиснулся в узкий карман. Синий паркетник справа был припаркован криво, съедая часть моего пространства.

Заглушив двигатель, я выбрался из салона боком, чтобы не задеть соседнюю машину дверью. Захлопнул свою, машинально дёрнул ручку для верности. Затем, оставив массивную арку главного входа по левую руку, направился в сторону набережной.

Когда вышел на набережную, солнце уже садилось где-то за крышами домов на противоположном берегу. По воде от него тянулась длинная блестящая полоса, из-за которой река казалась рыжеватой.

Люди шли навстречу просто каким-то сплошным потоком, и мне постоянно приходилось просчитывать шаги, чтобы ни с кем не столкнуться. Понедельник, девять вечера, а народу — как в праздничный выходной день.

Я вынырнул из очередной группы гуляющих и поднял взгляд от асфальта. В этот самый момент вдоль набережной разом, словно по невидимому щелчку, вспыхнули фонари. Я невольно остановился и обернулся на оставшийся за спиной мост. Он тоже уже весь горел яркими огнями.

Интересно, а как бы она...

Слегка тряхнув головой, я упрямо зашагал дальше, вдоль светящейся линии набережной.

Миновав первую пристань, а за ней и вторую, я свернул от воды вглубь парка. Фонари здесь стояли реже, зато деревья были опутаны гирляндами, отбрасывающими на асфальт рябые пятна света. Народу здесь оказалось не меньше, чем на самой набережной: шумные компании, оккупировавшие скамейки и газоны, жмущиеся друг к другу парочки, гитарист, собравший толпу зевак.

Жизнь вокруг меня была ключом.

Стеклянный одноэтажный павильон, где мы условились встретиться с ребятами, прятался чуть в стороне от аллеи. Сквозь панорамные окна лился тёплый желтоватый свет, из-за которого казалось, что внутри гораздо уютнее, чем есть на самом деле.

Столики на открытой веранде ожидаемо пустовали. Лишь за некоторыми мужественно ёжились посетители с пледами на коленях. Вот такое у нас выдалось лето.

Я поднялся по ступенькам и, потянув на себя стеклянную дверь, шагнул внутрь. В нос тут же ударил плотный кофейный аромат. Свободных мест почти не было, и зал просто гудел от множества голосов, смеха и звона посуды.

Остановившись у входа, я принялся искать своих. Пробежался глазами по столам справа, у барной стойки. Потом перевёл взгляд на левый ряд, вытянувшийся вдоль стекла.

Нашёл. Третий столик от края, у самого окна.

Они сидели, склонившись друг к другу, — типичная поза для тех, кто обсуждает что-то важное посреди шумного зала. Ден что-то активно рассказывал, широко разводя руками, Лена изредка отрывалась от ноутбука и кивала ему, а Вадик беззаботно посмеивался. Никто из этих троих меня не заметил, пока я сам не подошёл к столику.

— ...я тебе честно скажу, Лен, как есть. Не так легко всё это, как ты думаешь. Он вообще не хотел нам сдавать, под себя держал помещение. Я его вообще-то больше часа обхаживал. И так, и сяк. Я ему и про сроки втирал, и про то, что мы не шарашкина контора там какая-нибудь.

Лена всё так же молча сидела и слушала его, погружённая в раскрытый ноутбук.

— ...в общем, это я договорился. — Ден победно припечатал ладонь к столешнице. В чашке Вадика испуганно звякнула ложка. — Так что теперь, Лен, очередь твоего Вадика. Пора ему бригаду на объект заводить.

В очередной раз вынырнув из монитора, Лена увидела меня и радостно замахала рукой.

— Артём, привет!

— Привет, Ленкин.

Я подошёл к столику и опустил на свободный стул с краю.

— Ну да, Ден. Полностью с тобой согласен. Ох и тяжело нам пришлось. Целых десять минут у нас на всё ушло.

Вадик заржал так громко, что на нас недовольно покосились с соседних столиков.

— Тём! — Ден развернулся ко мне всем корпусом. Лицо его выражало крайнюю степень оскорбления. — Ты там вообще не в теме был. Стоял и в потолок пялился.

— Ну так я это... Потолки таким образом замерял. Да и вообще, хорош тебе заливать, Денисио. Ленкин, мы к десяти туда подъехали, а в десять двенадцать собственник нам ключи уже передавал.

— Ну и? Чья в этом заслуга? Моя заслуга! Я его к этому решению и подвёл! — не моргнув глазом, гордо парировал Ден.

— Ребят, кого его? Там помещение на женщине числится. Вы с кем там договаривались? С самым собственником, я надеюсь? — деловито вмешалась Лена, снова глядя в экран ноутбука.

— Ну мы с этим договаривались... с мужем её, Константином!

— Так подписать договор-то должна супруга.

Ден на секунду завис, переваривая информацию.

— Ну... это уже детали.

— Денис, это не детали, это совершенно другой человек, — Лена вздохнула и посмотрела на него. — Я тебе завтра скину список того, что от неё потребуется. Свяжись со своим Константином, раз уж ты так блестяще наладил с ним контакт.

К нашему столику подошла официантка. Она поставила перед Деном высокий запотевший стакан лимонада с листьями мяты и забрала у Вадика пустую кружку. Перед Леной стояла точно такая же, с остывающим кофе.

— Мне американо, пожалуйста, — обратился я к девушке.

— Артём, ты бы поел чего-нибудь, — кивнула на меню Лена. — А то мы уже.

— Да я пока не особо голоден, Ленкин, спасибо.

Ден постучал своим стаканом по столу, возвращая внимание.

— Так, ребят. Давайте ближе к делу. Вадь, что там насчёт бригады?

Вадик вертел в руках пластмассовую шариковую ручку. Мне показалось, или кончик ручки слегка обгрызен? Эх, Вадос. С такими привычками пора бы уже попрощаться, не за школьной партой ведь сидишь.

— Прежде чем мы начнём обсуждать... Я же тут в щиток лазил.

— И?

— И там стоит автомат на двадцать пять ампер на фазу.

Ден уставился на него с таким выражением, будто Вадик только что перешёл на беглый китайский.

— Это что, плохо или хорошо?

— Ну как тебе сказать. Двадцать пять на фазу — это в сумме семнадцать киловатт.

— Ну и? Давай, не тяни уже.

— Ну вот смотри. Среднетемпературные холодильные горки, которых нам надо минимум шесть. Каждая заберёт примерно по полтора киловатта. Итого уже девять.

Осознав, что на слух эту математику не объяснить, Вадим подтянул к себе бумажную салфетку и своей пожёванной ручкой начал рисовать для Дена наглядную схему.

— Лари морозильные, четыре штуки, получается плюс ещё два киловатта. Итого одиннадцать.

Пока Вадик монотонным голосом погружал Дена в суровую реальность нехватки киловатт, официантка успела поставить передо мной чашку с кофе. Я кивнул ей, сделал обжигающий глоток и отвернулся к панорамному окну. На улице уже окончательно стемнело, но толпа всё не иссякала. Свет фонаря выхватывал из темноты скользящие силуэты людей, и я, отключившись от этого нудного разговора, просто следил за их движением.

— ...под молочку и зелень. Считай, всё. Уже упёрлись в потолок, и это мы посчитали только холод, — прорвался сквозь поток моих мыслей голос Вадика.

Я заставил себя повернуться к столу. Ден с нарочито умным видом паялился в изрисованную бумажку. Вадик же важно постукивал ручкой по многострадальной салфетке.

— Ну норм. Нам больше особо ничего...

— Ага. Ничего. А кондиционирование зала кто считать будет? Вообще-то весь этот холод в процессе работы выбрасывает тепло. Причём прямо в зал.

Я снова отвлёкся на улицу за стеклом. Люди всё шли и шли сквозь это световое пятно фонаря: собачники, парочки с кофе. Тёмные силуэты словно выплывали из мрака и снова растворялись в нём. Я скользил по ним равнодушным взглядом. Вот прошагала большая компания. Следом за ней показалась какая-то парочка, девушка держала мужчину под локоть. И, качнувшись, легонько стукнула его бедром.

Она.

Она всегда так делала, когда пыталась меня перебить. Когда я забалтывался и не давал ей вставить слово, качнётся и бедром. Именно так. Игриво в бок.

— Ребят. Я сейчас! Сейчас!

Я лишь бросил взгляд на их вытянувшиеся лица и почти бегом направился к выходу. На входе толпились люди. Я пробивался сквозь них, расталкивая плечами. Мне нужно было их догнать. Это движение. Я не мог ошибиться.

— Эй, мужик, ты поаккуратнее давай! — возмутился кто-то сзади.

Я даже не обернулся. Плевать. Толкнул дверь и, вывалившись на улицу, лихорадочно зашарил глазами по аллее.

Где? Где они? Куда они испарились?

Вдалеке, под светом очередного фонаря, мелькнули знакомые силуэты. Они. Вроде они. Я побежал. Сердце колотилось. Мысли в голове сменяли друг друга с бешеной скоростью. Что... Что я ей скажу? Скажу. Скажу, что я просто рад... Безумно рад! Что я счастлив... Что я так счастлив...

Я обогнал их и, встав у следующего столба, достал из кармана телефон. Сделал вид, что отвечаю на срочный звонок и потому остановился попинать бордюр. Но сам я изо всех сил косил глазами на полосу света.

Сейчас уже они выйдут из тени.

Я жадно всмотрелся в её лицо.

То необъяснимое чувство, что мгновение назад подняло меня с места, вдруг сжалось и с силой рухнуло вниз.

Нет...

Это не она.

— Нормально всё?!

В мужском голосе отчётливо прозвучала откровенная агрессия. Неудивительно, ведь я всё так же продолжал пялиться на чужую девушку.

Страхнув с себя оцепенение, я медленно перевёл взгляд на говорившего. Мужик... да какой там мужик. Совсем молодой парень смотрел на меня с нескрываемым подозрением и готовностью защищаться.

— Нормально. Обознался. Извините, — раздавленно пробормотал я и, отвернувшись от них, поплёлся обратно к кафе.

Пара так и стояла на месте, глядя мне вслед. Тихий, нервный смешок девушки ударил меня в спину.

Какой же я дурак. Им от силы лет по двадцать. Но как же это было на неё похоже...

Я вернулся обратно к друзьям.

— Чё там? Всё в порядке? Увидел там кого, Тём? — Вадик вопросительно кивнул в сторону улицы.

— Да обознался просто, — выдавил я.

Сел обратно на свой стул и крепко, до побелевших костяшек, сжал ладонями чашку с американо.

Вадик понимающе улыбнулся и продолжил терпеливо объяснять Дену:

— Ну и кто нам эту мощность добавит? Ты сам? Это официальное техприсоединение. Заявка в сетевую, техусловия, оплата счёта, сами работы, закрывающий акт.

— Так этот Константин нас заверил, что с электрикой там всё нормально.

— Да мало ли что твой Константин может сказать.

— Он может вообще не понимать, что у него там в щитке. Я вам это сразу говорю, чтобы вы завтра в обморок не падали, — подала голос Лена.

— Ленок, ну...

— Напомнить, как мы с третьей точкой встряли? Там тоже всё было нормально. А потом мы три месяца тупо платили аренду за бетонную коробку, в которой ничего нельзя было включить.

— Ладно, — Ден постучал пальцами по столу, принимая решение. — Допустим, мы это решим. Вадь, ты когда сможешь бригаду завести?

Вадик уставился на изрисованную салфетку, что-то прикидывая в уме.

А я снова выпал из разговора, уходя в свои мысли. Сегодня всего лишь понедельник... Такая долгая неделя впереди...

Вникать в рабочие проблемы не было никаких сил. Может, взять паузу и отключиться от всего? Честно сказать об этом ребятам. Но ведь не поймут, если не объяснить. А объяснить я не смогу. Как такое объяснишь?

— Виктор Сергеевич ждёт открытие в августе, — машинально влез я в диалог.

— Сергеевич может хотеть открыться хоть в июле.

— Он хочет именно в августе, в конце августа, Вадос. Он мне это три раза повторил, — устало надавил я.

— В августе мы никак не откроемся, — Вадик стоял на своём.

Я устало потёр лицо ладонями.

— Хорошо. Сентябрь.

— Середина сентября, — упрямо поправил Вадик.

— Середина, — согласился я. — Ленок, ты в письме со сроками поаккуратнее, ладно? Число не указывай, хорошо?

— Напишу тогда просто сентябрь.

— Умница.

— Люди, — деловито произнесла Лена. — Не забывайте, что под запуск нам нужно пять-шесть сборщиков и...

Я уже просто физически не мог сидеть на месте. В кафе стало невыносимо душно. Мысли путались, вникнуть в разговор не получалось, и толку от меня здесь всё равно уже не было.

— Ребят. Мне тут заскочить кое-куда ещё нужно, — оборвал я Ленку на полуслове. — Не обидитесь, если дальше без меня?

Все трое замолчали и удивлённо уставились на меня.

— Не, если я нужен, то останусь... Просто мне правда нужно ехать.

— Конечно. Если надо, то езжай, Тём, — первым отозвался Ден, протягивая мне руку. — Завтра с утра созвонимся.

— Давай, Артём, на связи, — вслед за ним потянулся Вадим.

— Артём. У тебя точно всё хорошо? Ты в последнее время какой-то... уставший что ли, — Лена подозрительно сузила глаза, вглядываясь в моё лицо.

— Да, я в порядке, Ленок, — попытался я улыбнуться ей. — Просто не выспался, наверное.

— Ну хорошо... Артём, ты только Виктору Сергеевичу не забудь сообщить, что в августе не получится у нас. А то знаю я... Потом всех собак на моего Вадика спустят, скажут, что подготовка за ним была. — В её голосе проскользнула отчётливая тревога за мужа.

— Обязательно скажу ему, Ленок. Всё возьму на себя, не переживай, — пообещал я, мечтая лишь об одном: поскорее оказаться на улице.

Напоследок махнув ребятам рукой, я двинулся к выходу. Оказавшись на улице, немного постоял на ступеньках, полной грудью вдыхая прохладный вечерний воздух. И лишь затем неспешно зашагал по аллее.

На набережной было уже не так многолюдно, несмотря на то, что шёл только одиннадцатый час. Мир вокруг меня горел в огнях: линия берега, цепи моста, окна многоэтажек вдалеке. По реке один за другим скользили светящиеся теплоходы.

Уже почти возле парковки я наступил на какой-то рекламный буклет. Убрал ногу и всмотрелся. На бумаге был изображён ночной город и сверху крупная надпись: «Панорамный вид на огни Москвы с крыши. Незабываемые эмоции». Ненадолго задержав на ней взгляд, я перешагнул этот буклет и пошёл дальше.

Наконец, оказавшись у машины, я открыл дверь и сел в салон. Откинулся на спинку сиденья и тупо сидел, смотря в лобовое стекло. Затем, с шумом выдохнув, я достал из кармана кнопочный телефон. Открыл сообщения и пролистал до того самого места, где остановился.

Мои глаза жадно впились в маленький тусклый экран.

Входящее: — Ты как? Дошёл до дома уже? Не сильно замёрз?

Исходящее: — я? Почти весь день проведя с тобой? Замерз ли я? Замерз конечно!)

Входящее: — Ха-ха. Смешно! Помни, что ты завтра просто обязан сдать экзамен!))

Исходящее: — знаешь, Даш, я думаю завалить завтра эту пересдачу.

Входящее: — ?????

Исходящее: — чтобы у меня был повод еще раз к тебе обратиться за помощью)

Исходящее: — и провести весь день рядом с тобой

Входящее: — Давай лучше так! Сдашь экзамен. И он у тебя будет. Повод этот. Наверное:Р

Исходящее: — понял! экзамен будет сдан!)) римское право теперь мой любимый предмет!

Исходящее: — а Егорыч отныне занимает почетное второе место в моем сердце!))

Входящее: — Ого! Если уж там Егорыч на втором, то я даже боюсь спрашивать, кто тогда на первом?)))

Входящее: — О, ужас! Я сейчас только заметила!!! что назвала его так же, как ты. Егорыч!)))

Рядом с силой захлопнулась автомобильная дверь. Я оторвался от экрана. Водитель этого криво стоящего паркетника вернулся.

Игнорируя его возню, я снова перевёл взгляд на экран телефона. Зажал ненадолго джойстик, глядя, как по экрану водопадом сыплются строки. Отпустил. Немного промахнулся. Нажал пару раз вверх. Вот. Нашёл.

Исходящее: — я сдал! На четыре! только вышел от Егорыча! Завтра идем гулять)

Исходящее: — ой! виноват! вышел от Николая Егоровича!

Входящее: — Ура! Умница! Поздравляю!)) Да, конечно!)) Идём! :)

Исходящее: — ты бы только видела его лицо, когда я с умным видом ляпнул, что Акведук — деликт и есть тот самый закон в римском праве.))

Исходящее: — не. он меня конечно тут же поправил. Но я смотря ему в глаза сразу заявил, что по этому его закону, если мне кто то навредит, то ему за это придется ответить)) В итоге получил свою заслуженную четверку))

Входящее: — Да хватит меня смешить, пожалуйста))) Люди на улице уже косятся, как на ненормальную)))

Какой-то автомобиль, проезжая мимо, мазнул по мне светом фар и с рычанием уехал.

А я вдруг поймал себя на том, что сижу и улыбаюсь.

Широко и искренне улыбаюсь.

Улыбаюсь точно так же, как улыбался тогда, глядя в этот самый крошечный экран.

Глава 6

— Женёк, погоним мы уже.

— А чё вы так торопитесь-то? Ща Дрон с пацанами должен подвалить.

— Ну в том-то и дело, — усмехнулся я, спрыгивая со спинки лавочки. — Начнёт сейчас своими бесконечными блатными историями грузить, а нам с утра на учёбу эту...

— Так ты ж вроде раньше не особо парился?

— Ну вот, решили с Михой теперь за ум взяться. Профессорами может станем, — смеялся я, прощаясь с Женьком.

— Мих, гитару захвати завтра. Пошумели бы хоть, — бросил Олег, пожимая нам по очереди руки.

— Да таскаться с ней... может, и захвачу.

Попрощавшись с пацанами, мы с Михой не спеша двинулись в сторону дома.

— Тём, так нам завтра к двенадцати. Посидели бы ещё, — протянул Миха, когда мы отошли подальше от двора.

— Да чё-то надоело мне там зависать, да и завтра после учёбы дел много, — отмахнулся я. Не рассказывать же Михе, что я просто ждал, когда этот вечер наконец закончится. Потому что завтра мы договорились весь день провести с Дашей вдвоём.

— Чего сам не остался-то, Мих?

— Да ладно. Чё мне там...

Так мы и шли с ним по улице, болтая о всякой ерунде, и как раз проходили мимо небольшого магазинчика, у дверей которого переминалась с ноги на ногу какая-то девчонка.

— Миша? — вдруг неуверенно поздоровалась она. — Привет!

Я думал, что Миха сейчас остановится поздороваться, но он вдруг резко дёрнулся, густо покраснел и, буркнув себе под нос что-то нечленораздельное, прибавил шаг.

— Э, тормози! Ты чё так подорвался-то? — усмехнулся я, догоняя его и хватая за рукав куртки.

— Да ничё. Погнали, — промычал Миха, не глядя на меня.

— О! Понятно! Мих, ты чё запал на неё, что ли?

— Ничё я не запал... просто в музыкалке вместе учились. Ну когда мелкими ещё были, — совсем замаялся он.

— А зовут-то её хоть как? — кивнул я назад, в сторону магазина.

— Да я забыл, ты прикинь! — Миха отчаянно потёр шею. — Вылетело вообще...

— Ну ты, Михан, и даёшь... Она с тобой поздоровалась, а ты вот так. Давай я спасу ситуацию. Пойду узнаю, как её зовут хоть.

— Чё, реально? — недоверчиво протянул он.

— Да без проблем! Тут подожди.

Нацепив на лицо самоуверенную ухмылку, я развернулся и вальяжно направился в сторону той девчонки.

— А чё мы тут такие красивые одни стоим, скучаем? — выдал я какую-то стандартную глупость, поравнявшись с ней.

— Подругу ждём. А что? — она растерянно хлопала глазами.

— Да вот хотел имя твоё узнать. Что за красивая девушка у нас тут...

И тут двери распахнулись, и из магазина вышла та, кого она ждала.

Меня мгновенно бросило в жар.

Даша. Это была она.

— Тёмка? А ты чего тут? — смущённо, но радостно улыбнулась она, остановившись на крыльце.

— Да вот, Даш, познакомиться со мной хочет! Говорит, хотел узнать имя самой красивой девушки в нашем городе! — со смехом выдала эта девчонка, отвечая вместо меня.

— Да не. Я это... — растерянно проблеял я, мгновенно растеряв всю свою спесь.

— Ну и? Познакомились? — как-то грустно спросила Даша. Её улыбка тут же погасла. Я молча стоял, мечтая провалиться сквозь землю.

— Так не успели мы! Ты же отвлекла! — продолжала веселиться та девочка и, повернувшись ко мне, добавила: — Света. Ой, Светлана, то есть.

— Ну я это тогда... Пойду там, в общем, — пробурчал я, окончательно сбитый с толку. И, развернувшись, деревянной походкой направился к Михе.

— Станный он какой-то, — донёсся мне в спину голос этой Светы.

— Смутился, может... Почему сразу странный. Понравилась ты ему, — ответила Даша.

И этот её голос... Её тихий голос меня так сильно ударил, что мне аж скулы свело от злости на самого себя.

— Ну чё там, Тём? Узнал? Это там Дашка, что ли, с ней? — завалил меня вопросами Михе, как только я подошёл к нему.

— Да узнал уж. Света её зовут. Чтоб вас всех... — зло огрызнулся я.

— Ты чё, Тём? — удивлённо вытаращился Михе.

— Да ничё. Хорош тебе трепаться. Погнажи уже.

Остаток пути мы с Михой почти не разговаривали. На очередном перекрёстке я просто наскоро пожал ему руку и, буркнув что-то вроде «бывай», свернул к своему дому.

Весь вечер я просидел как на иголках. Всё места себе не находил. В ушах до сих пор звучал её грустный голос: «Понравилась ты ему...»

Мне надо было всё ей объяснить. Надо было хоть что-то ей написать. Но я никак не решался. До последнего тянул время, выматывая себя одними и теми же мыслями и надеясь, что нужные слова как-то сами ко мне придут.

И только глубокой ночью всё-таки сдался и взял телефон в руки. Я долго смотрел в светящийся экран, то набирая текст, то вновь стирая его. В итоге, напечатав совершенно тупое сообщение, нажал «отправить».

— *привет. Как дела?*

И началось. Я проверял телефон каждую минуту. То брал его в руки и смотрел на экран, то снова бросал на кровать. И так по кругу.

Спустя полчаса нервы мои сдали окончательно. Я набрал следом ещё одно сообщение:

— *не спишь?*

И сам же всю эту ночь толком не спал. Вздрагивал от каждого шороха и тут же вскидывался, хватая мобильник с тумбочки, чтобы нажать на кнопку.

Может, ответила? А сейчас? Ну а теперь?

Но ответа так и не было. Ни ночью, ни под утро.

На следующий день я пригнал на лекцию одним из первых. Забился куда-то в глубину аудитории и ждал, нервно вздрагивая каждый раз, когда открывалась дверь.

Снова не она.

Наконец, за несколько минут до начала лекции, Даша пришла, и как только она переступила порог, меня всего будто током прошило. А она даже не оглянулась в мою сторону. Просто молча села рядом с тем парнем.

Ещё и Михе, как назло, куда-то запропастился, и я так и просидел всю пару один. То бросал виноватые взгляды на её спину и рассыпанные по плечам волосы, то снова тупо пялился в стол.

Перед началом следующей лекции по непонятной теории права я всё-таки решился к ней подойти и заранее встал у той парты, где она обычно садилась.

— Даш... это. Я шарф вот тебе вернуть хотел. Сяду? — робко произнёс я, протягивая ей шарф, как только она подошла.

— Спасибо. Если хочешь, то садись, — она взяла его и, пожав плечами, посмотрела на меня каким-то совсем уставшим взглядом.

Я молча опустил на стул. А она... Она просто развернулась и села за другую парту, рядом с какой-то девчонкой. Я сидел, безумно злясь на себя, как вдруг рядом с грохотом отодвинулся стул, и на соседнее место кто-то плюхнулся.

Антон, чтоб его!

— Ты чё здесь забыл? — процедил я сквозь зубы.

— Я? Это ты чего? Я тут вообще-то всегда и сидел. Просто не с тобой, — ответил он. А затем, проследив за моим взглядом, посмотрел на Дашу, снова на меня и ухмыльнулся: — Ну чё. Смотрю, отшили тебя?

— Захлопнись. Не твоё дело, — буркнул я, сжимая кулаки под партой.

Снова просидел всю лекцию, погружённый в свои мысли. Ни слова не услышал. И ни строчки не записал.

После учёбы я всё-таки подкараулил её на выходе и вновь попробовал подойти.

— Давай провожу тебя... — неуверенно ляпнул я.

— Зачем? Артём, не обижай меня. Пожалуйста.

Не сказав больше ни слова, она развернулась и пошла вниз по улице.

— Ну и ладно! Больно мне это надо, — тихо бросил я ей вслед.

Я провожал взглядом её удаляющийся силуэт, и внутри мне вдруг стало так тоскливо.

Да что это вообще со мной происходит?!

Так и стоял у входа в шарагу, глядя куда-то в пустоту.

— Тём, ты чё тут? Закончились пары уже? Вот же блин! Отсутствующих не отмечали? — вырвал меня из мыслей запыхавшийся Михин голос.

— Ходить надо на учёбу, — хмуро произнёс я, переведя на него взгляд.

— Да предки, блин, запрягли... Ну так чё? Отмечал препод? Скажи! — взмолился он.

— Никого он не отмечал. Чего ты паникуешь?

— Да как... Экзамен же послезавтра! Если бы записал, что меня не было, то всё, считай, вилы! — Миха облегчённо выдохнул. — Ну ништяк. Живём!

Экзамен.

Точно. Экзамен.

В голове моментально щёлкнуло. Уж в помощи по учёбе она точно не откажет. Жаль, что телефон в ноль разрядился, иначе я написал бы ей прямо сейчас.

— Ну погнали домой, чё, прогульщик, — усмехнулся я.

— Да чё сразу... Погнали!

И мы зашагали в сторону дома.

— Тём, а чё ты такой загруженный? — не выдержал наконец Миха, когда мы отошли на пару кварталов.

— С чего ты взял?

— Да молчишь вон всю дорогу.

Я покосился на него. Вот как ему объяснить? Хотя Миха пацан нормальный. Должен понять.

— Мих. Ты меня извини, конечно, но если угарнёшь сейчас, то в лоб сразу дам, — криво усмехнувшись, предупредил я.

— Да ты чё, Тём... Чё стряслось-то?

Я остановился.

— Вон там видишь дом стоит? — махнул я рукой на облезлый трёхэтажный барак через дорогу. — Вот он какой? Какого он цвета?

— Чё? Ну, серый какой-то, — недоумённо протянул Михан.

— Ну вот и для меня он серый. — Я посмотрел на него. — А понимаешь, Мих. Когда я рядом с ней. С Дашкой. Он для меня не серый. — Я замялся, пытаюсь подобрать слова. — Он для меня... он для меня, как та твоя гитара разукрашенная. Понял?

Мишка завис на пару секунд, явно переваривая услышанное. А потом расплылся в понимающей улыбке.

— Ну...

— Что ну? А теперь из-за Светки твоей... Они решили, что мне она понравилась!

— А-а-а. Вон оно чё. Так ты, получается, в Дашу...

— Получается. Мих. То и получается, — резко перебил я его, чувствуя, как горят уши. — А насчёт Светки твоей не парься. Решим. Погнали уже быстрее.

— Ну погнали, — довольно отозвался он, явно воодушевлённый моими словами.

Я же мысленно уже был дома, мне нужно было срочно зарядить телефон. Мы ускорили шаг.

Влетев наконец в квартиру, я тут же бросился в свою комнату и торопливо воткнул зарядку в телефон. Только бы быстрее он включился. Мне нужно было написать ей прямо сейчас.

— *привет! Мне там сказали что у тебя конспект по теории есть, могу списать?*

Она молчала.

Я измерил шагами всю комнату, то и дело поглядывая на экран. Ничего. Но так легко сдаваться я не был намерен. Снова ей написал:

— *Даш ну помоги пожалуйста. Завалюсь же...*

— *Привет. Теория чего хоть?*

Ответила! Она мне ответила! Я чуть ли не подпрыгнул на месте, до хруста сжимая телефон в руках. Собравшись с мыслями, быстро застучал по кнопкам:

— *ну эта... теория государства и права. Выручи меня, Даш...*

Я старался, чтобы это звучало как можно жалобнее. Хотя на сам экзамен мне было абсолютно плевать.

— *Хорошо. Завтра тогда напомни.*

Да какой, к чёрту, завтра?! Я чуть ли не в голос это выкрикнул. Снова набрал сообщение:

— *ну мне правда нужно сейчас. Я же не успею подготовиться. Даш! Пожалуйста!*

Мне нужно было увидеть её сегодня. Прямо сейчас. Я бы просто не уснул сегодня, не увидев её.

— *Хорошо, Артём. Только я уже на занятие собираюсь.*

— *время пять вечера! Какие занятия???*

— *В ДМШ*

Что ещё за ДМШ? Да пофиг, главное, что она отвечает мне!

— *это ещё что? Ты служишь где то? Дми звучит как войска какие то))))))* — написал я, выдав максимум остроумия, на который только был способен мой мозг.

— *Детская музыкальная школа. Войска)*

Скобочка! Она поставила скобочку! Улыбается! Оценила мой тупой юмор. Воодушевившись, я уже просто не мог остановиться.

— *ааа. Занятия. А ты то че там?*

— *А я там преподаю иногда.*

— *ого. Ниче не понял но ладно. Ты им право преподаёшь что ли?*

— *Вот знаешь... я не всегда даже пойму, шутишь ты или серьёзно.*

— *да серьёзно не понял что ты там забыла)*

— *У меня бабушка там много лет проработала. Договорилась вот, чтобы я иногда отстающих детей по классу пианино подтягивала.*

— *теперь понял*

— *Боюсь даже спрашивать, что ты понял.*

Мои дела явно шли в гору. Казалось, у меня уже скулы свело от этой приклеившейся глупой улыбки. Войдя во вкус, я уже всю продолжал развивать свой успех.

— *что ты юрист-пианист)*

— *Ну в этот раз хотя бы немножко смешно. Приходится, но хотелось бы на первом остановиться. На юристе.*

— *таааак а что там насчет конспекта?))*

— *Хорошо, захвачу с собой. Пушкина, 31. Ко входу в музыкалку подходи к семи.*

— *ок! Это же по моему рядом с 11 школой?))*

— *Да, там. Ладно, я уже на улице, тут снегопад ещё такой начался. Вечно мне везёт!*

— *Я буду, Даиш! К 7 буду там!*

Я не знал, куда себя деть. Бессмысленно метался по комнате из угла в угол, не выпуская телефон из рук. Время тянулось невыносимо медленно, а до семи вечера оставался ещё целый час. Я выглянул в окно. На улице и правда валил густой снег.

— Артёмка! Ужинать будешь? — донёсся с кухни мамин голос.

— Мам! Я не голоден! — отозвался я, выходя в коридор.

— Ну с отцом тогда покушаешь. Скоро уже должен прийти.

— Хорошо! — меня просто распирало изнутри, хотелось поделиться этой радостью со всеми. Хотелось обнять весь этот мир.

Я заглянул на кухню:

— Мам, может, тебе помочь чем-то?

Мама обернулась от плиты и смерила меня удивлённым взглядом.

— Да чем ты мне поможешь? Хотя... Мусор выкини.

— Конечно! Вообще без проблем! Сейчас! Может, ещё что-то?

— Да что с тобой, сынок? — она даже руки полотенцем вытирать перестала.

— Да там! С учёбой, мам, просто... Хорошо всё, в общем! — радостно выпалил я, выхватывая у неё пакет с мусором.

— Я очень рада! Молодец, Артёмка, — тепло улыбнулась она.

— Всё, я побежал тогда! И это... Я на улице побуду. Попозже приду!

— Погоду видел? Там такая метель началась. Давай только не допоздна!

— Ладно! — бросил я, на ходу влезая в куртку и вылетая в подъезд.

Снегопад обрушился на меня, стоило только распахнуть уличную дверь. Выходя, о шапке я ведь даже не вспомнил. Пришлось мне просто накинуть капюшон. Настроение у меня было такое, что мне даже пакет с мусором было жаль выкидывать.

— Ты уж прости меня, братец, — прошептал я ему, бросая в бак, а затем со всех ног рванул туда. К ней.

Я прибежал к приземистому зданию музыкальной школы, когда до семи оставалось ещё целых полчаса. Довольный, я топтался у входа, переминаясь с ноги на ногу, глядя то на стеклянные двери, за которыми царил полумрак и лишь в глубине коридора горела одинокая лампа, то на снег, круживший в свете фонаря.

Вдруг я заметил, что справа, сквозь крупные белые хлопья, уютно светятся окна первого этажа. Широкие и низкие, они начинались почти от самой земли. Я пошёл к ним вдоль кирпичной стены здания и остановился, заглядывая в третье окно.

И так и замер.

Снаружи подвывал ветер, снег мёл не переставая, а там, за стеклом... За ним словно находился совершенно другой, недостижимый для меня мир.

И там, в этом мире, была она.

Укрытый темнотой, я так и стоял, заворожённо пялясь в это окно, а Даша была прямо передо мной. В мягком свете лампы она сидела за пианино. Возле неё стояли две девочки, совсем ещё дети, и она что-то терпеливо им объясняла и улыбалась.

А я стоял и просто не мог заставить себя отвести взгляд.

Её глаза были прикрыты, ресницы мелко дрожали. А пальцы невесомо, словно играя с воздухом, бегали по этим белым клавишам. Потом она снова улыбалась детям, смахивала упавшую на лицо прядь волос и, коснувшись этих клавиш, заново начинала играть свою беззвучную мелодию.

Мне снаружи не было слышно ни звука.

Я просто стоял. Стоял, не чувствуя ни холода, ни того, как снег, покалывая щёки, тает на моём лице, как он засыпает мне голову и плечи.

Просто стоял, дышал на замёрзшее стекло и смотрел на неё.

Очнулся, только когда свет по ту сторону погас.

Даша пропустила детей вперёд, оглянулась и, щёлкнув выключателем, вышла в коридор. Из уличной темноты она меня, конечно же, не увидела.

Я тут же бросился ко входу, на ходу пытаюсь собраться с мыслями и проговорить про себя всё, что собирался ей сказать.

Наконец она вышла на улицу и удивлённо посмотрела на меня, застывшего у входа. Выглядел я словно засыпанный снегом памятник.

— Артём, ты давно, что ли, тут стоишь?

— Да не. Только вот подошёл, — смутился я.

— Ну ты в снегу весь... Отряхнулся бы хоть, — вздохнула она и, достав тетрадку из сумки, протянула мне. — Держи.

Я взял тетрадь, но сам так и остался стоять, молча глядя на неё.

Тут из дверей вынырнули те самые две девчонки в пуховиках и, проходя мимо нас, хором выдали:

— До свидания, Дарья Дмитриевна!

— И вам до свидания!

Она повернулась к ним, проводила взглядом, а потом снова посмотрела на меня. А я всё стоял как дурак. Лишь глазами хлопал.

— Ты чего? Что-то со мной не так? — она внимательно заглянула мне в глаза.

А я чего?

У меня перед глазами всё ещё стоят твои дрожащие ресницы и пальцы... твои пальцы, порхающие над чёрно-белыми клавишами.

Если бы... если бы ты только знала.

Знала, как ты прекрасна.

Всё не так. Только не с тобой. Со мной всё не так.

— Ну я пойду? Холодно ведь, — сказала она, но сама продолжала стоять на месте.

И тут меня прорвало. Просто понесло куда-то.

— Даш... Дашка. Я ж это. Я же там Михе помочь пытался. Ну, понравилась ему эта... Светка эта твоя, — я нервно махнул рукой, стараясь не смотреть ей в глаза. — Хочешь, я... хочешь, на весь город прокричу? Что для меня ты. Ты самая красивая! Да я же не вижу никого вообще. Тебя только. Вот и думал, а вдруг. Вдруг он как я. Вдруг он тоже совсем пропал. Помогу ему, думал. Правда, я для него старался! Он ведь подтвердит! Я же ему так и сказал. Сказал, что для меня... что рядом с тобой всё другое. Ну а получилось. Как всегда, блин. Ну не самый умный я. Ты ведь поняла это уже. Ну Даш, я же...

Я совсем сбился, всё так же продолжая сверлить взглядом заснеженный асфальт.

И вдруг.

Она прервала мой глупый лепет. Я почувствовал, как она прильнула ко мне. Взяла под руку.

Я аж вздрогнул, замолкая на полуслове. И тут же выдохнул.

Так хорошо мне вдруг стало. Так правильно.

— Ну всё. Всё. Пойдём. Замёрзнешь ведь! Без шапки опять. Держи, — она торопливо стянула с себя и протянула мне тот самый шарф. — Мне не холодно! А ты продрог весь.

— Да я это... Ну, говорил же, что закалённый, — попытался нелепо отшутиться я, послушно кутаясь в её шарф. В этот самый прекрасный шарф на всём белом свете.

— Закалённый он! — рассмеялась она. — Пойдём, горе.

Она потянула меня за собой, увлекая за руку. И мне было абсолютно плевать куда. Хоть на край света. Лишь бы с ней.

А снег всё так же продолжал медленно кружиться в свете уличных фонарей.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.